

Фантастические миры

Константин КАЛБАЗОВ

ПЕЕ

Боец

Пёс

Константин Калбазов

Пёс. Боец

«Автор»

2013

Калбазов К. Г.

Пёс. Боец / К. Г. Калбазов — «Автор», 2013 — (Пёс)

ISBN 978-5-9922-1462-8

Наемник, прославившийся во всех королевствах. Человек, сделавший имя в своей среде. Иные скажут, что он достиг не так уж и много. Но он поднялся с самого низа, добился всего сам, и ему нравится его жизнь. И вдруг все переворачивается с ног на голову. В его жилах течет древняя кровь королевского рода. Нет, не так. Он является законным наследником трона. Но хочет ли он этого? Потеснить недавно обретенного младшего брата? Стать причиной бед, что непременно обрушатся на королевство? А главное, взвалить на свои плечи ношу, которая ему не нужна? Ну уж нет. Он будет сражаться за Несвиж не по долгу крови, а потому, что не хочет потерять едва обретенную семью. Он не решится взять на себя ответственность за судьбу королевства, но готов поддержать брата. Стать бойцовским псом на страже короны. Старшим братом, оберегающим младшего. Но достаточно ли только побед на поле брани? Возможно, от него потребуются куда большее. Гораздо большее.

ISBN 978-5-9922-1462-8

© Калбазов К. Г., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Константин Калбазов

Пёс. Боец

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Барон Авене

- Барон!
- Я тороплюсь, Георг.
- Мне только...

Но, как видно, барону Гатине и впрямь не до разговоров. Он лишь торопливо отмахнулся и прошел мимо. Молодой сотник и не подумал таить обиду на столь пренебрежительное отношение. Не та ситуация. Сейчас в лагере творилось настоящее столпотворение. Впрочем, лагерем это скопление вооруженного, а нередко и безоружного люда можно назвать с трудом. Отовсюду слышны крики, стоны, проклятия, ржание лошадей, топот, бряцание железа – все то, что сопровождает отчаяние и горечь поражения.

Год назад, окончательно добив восставших кармелъцев, загросцы не осмелились пересечь границу и вторгнуться в Несвиж, власти которого долгие годы своей поддержкой не давали погаснуть очагам сопротивления в этом королевстве.

Кармелъцы на сей раз оказались гораздо более упорными в своем стремлении прогнать захватчиков. Немалую роль в этом сыграл принц Канди, законный наследник королевского рода Кармеля. Под его знамена стекались целые толпы народа. Восставали даже те бароны, которые, казалось, уже смирились с властью загросцев и с тем, что они больше не являются истинными хозяевами у себя на земле. Загросу пришлось изрядно напрячься, чтобы окончательно подавить сопротивление. Островная армия была измотана в ходе боев с восставшими, так что ее удара Несвиж и не опасался.

Беда пришла с той стороны, откуда ее не ждали. В свое время в Несвиже была создана сильная армия, заслуживающая уважения. Долгие годы никому и в голову не приходило подвергать сомнению ее боеспособность. И вот этот грозный колосс оказался прохудившимся бурдюком с гнилью, лопнувшим от первого же удара, который нанес застарелый противник Несвижа – королевство Памфия.

Возможно, Георг преувеличивал недееспособность несвижской армии. Быть может, на этот раз памфийцы просто оказались более стойкими и напористыми. А может, все дело в неумелом командовании. Думать об этом отчего-то не хотелось. В данном сражении армией командовал сам король – наверное, именно поэтому Георг и искал причину поражения в исполнителях.

Да, он не признавал родства с этим человеком, безжалостно гоня от себя подобные мысли, но они все равно возвращались. Любому сыну неприятно думать о том, что отец оказался хоть в чем-то несостоятельным, даже если тот и не подозревает о существовании отпрыска.

Армия Памфии вторглась в Несвиж со стороны графства Хемрод. Не сказать, что это явилось большой неожиданностью. Об этом стало известно примерно за неделю до перехода противником границы, но все же сведения поступили слишком поздно. На этот раз хваленая шпионская паутина барона Гатине не смогла вовремя среагировать и предупредить о надвигающейся опасности. Когда же все произошло, король сумел собрать только семитысячную армию, с которой и двинулся навстречу десяти тысячам памфийцев.

Соотношение сил само по себе говорило о необходимости вести сражение от обороны. Однако король Берард Первый резко высказался против, не допуская даже мысли о том, что его армия станет обороняться. Только наступать. Раздавить застарелого противника, перейти границу и принести разор на его земли – таков был план. Никакие уговоры и доводы не смогли убедить его величество в обратном.

Место для сражения подобрали хорошее, но опять-таки смысл во всем этом был, если сначала измотать противника в оборонительном бою, а затем перейти в контратаку. В этом случае даже простейшие полевые укрепления смогли бы сыграть немалую роль. Но вместо этого армия Несвижа сама двинулась в наступление.

Вообще Берарда можно понять – подобное соотношение прежде никогда не останавливало несвижцев и они всегда выходили победителями. Но он забыл о том обстоятельстве, что славные сподвижники его отца либо уже покоились с миром, либо успели одряхлеть. Из тех, кто раньше водил в атаку полки, сейчас все так же крепок оставался только Несвижский Пес, барон Гатине, да и тот никак не мог рассматриваться в качестве военачальника. Разумеется, на смену уходящим поколениям приходили другие, молодые и полные сил, однако с уходом старой гвардии хирела и сама армия, уровень ее подготовки уже значительно уступал прежней. Почти за четверть века от былой мощи практически ничего не осталось.

Армии Памфийи и Несвижа сходились на участке, исключавшем обход с флангов. Справа протекала полноводная река Гура, слева имелся глубокий овраг, протянувшийся на несколько миль. Все должно было решиться в противостоянии лицом к лицу, ни о каком маневрировании не могло быть и речи.

Дела пошли плохо с самого начала. Памфийцы сосредоточили в центре около трех тысяч лучников, вооруженных длинными луками, отличающимися дальностью. Прежде еще никто и никогда не сосредоточивал столько стрелков на таком узком направлении, и вообще подобное количество лучников было просто запредельным. За короткий срок стрелы сумели изрядно проредить ряды наступающих, а затем рыцарская конница ударила по центру. Не сказать, что у памфийцев все прошло гладко, но все же им удалось прорвать ряды пехоты.

Когда в образовавшуюся брешь хлынула пехота противника, армия Берарда оказалась рассеченной надвое, а в ее тылу накапливались и приводили в порядок свои ряды памфийские рыцари, которых все же изрядно потрепало в ходе прорыва.

Рыцари Несвижа в этот момент погибали в безуспешной попытке опрокинуть правый фланг памфийцев, сосредоточивших на этом участке своих копейщиков и арбалетчиков. Последних было не особо много, но они прицельно пускали болты, нещадно разя всадников, возвышавшихся над пешими бойцами. Доспех далеко не всегда мог противостоять оперенной смерти, так что потери несвижцы несли изрядные.

Казалось, еще немного, еще чуть-чуть – и коннице удастся опрокинуть врага, к тому же пехота была уже на подходе и готовилась поддержать своих рыцарей. Но прежде чем это случилось, в спину ударила конница памфийцев, восстановившая свои боевые порядки и обогнувшая войска несвижцев сзади. Удар был куда страшнее, чем тот, что пришлось по центру.

Известие о происходящем несколько запоздало, ведь с началом сражения только находящийся в ставке командующий может охватить всю картину целиком, командиры на местах могут оценивать лишь то, что видят поблизости. Потом сказала и выучка армии, ощутимо более слабая, чем в прежние времена. Войска попросту не успели подготовиться к новому удару. Творившееся на левом фланге несвижцев иначе как бойней назвать было нельзя, большинство потерь пришлось именно на этот участок: люди гибли в полном окружении, даже не имея возможности просто бежать.

Сотня Георга находилась на правом фланге у единственного моста через реку. Наемникам предписывалось охранять переправу и противодействовать врагу, если тот вздумает отправить некоторые силы в дальний обход (хотя в это никто не верил). В случае если противник будет опрокинут, они должны были его преследовать. Если же начнется отступление, то они будут прикрывать отход армии за мост, а точнее, постараются предотвратить избиение бегущих, так как отступление и бегство зачастую мало чем отличаются одно от другого.

Со своей позиции Георг прекрасно все видел. Однако его сил было явно недостаточно, чтобы помешать такому ходу событий. Ему вовсе не будоражили кровь мечты о славе, и он не

намеревался губить сотню в лихой и самоубийственной атаке. К тому же абсолютно ясно, что вот-вот начнется бегство, а это означало, что Георг обязан охранять переправу и прикрывать отступающих.

Но ему не суждено было сохранить хладнокровие до конца сражения. Не менее сотни рыцарей в тяжелых доспехах отделились от основной массы и устремились к ставке короля. С Берардом в этот момент находилось около пяти десятков рыцарей, среди которых был и сын короля, кронпринц Гийом. Они имели шанс прорваться к мосту, избегнув удара. Само собой, барон Гатине ни при каких обстоятельствах не мог забыть о том, кто именно прикрывает мост и какими возможностями этот человек обладает. Однако его голос остался неслышанным, и король повел всех, кто находился рядом с ним, в атаку на превосходящего противника. Чего он пытался достичь подобным образом, решительно непонятно. Практически любому, кто сумел бы обозреть поле боя с той позиции, что занимал король, стало бы очевидно: сражение проиграно вчистую и самое большее, что мог предпринять командующий, – это отдать приказ к отступлению.

Еще оставалась возможность спасти хотя бы часть войск и избежать полного разгрома. К тому же это была не вся армия Несвижа, а только та ее часть, которую удалось собрать в тот короткий срок, что оставался до вторжения. Проигранное сражение – еще не поражение в войне. Но король решил иначе и очертя голову ринулся в бой. Ладно бы это хоть как-то могло изменить ход сражения – тогда его решение имело бы оправдание. Но в подобной ситуации...

Видя эту самоубийственную атаку, Георг без раздумий повел свою сотню в бой. Они ударили в спину памфийцам настолько неожиданно, что те молниеносно были опрокинуты. Во время этой стычки наемники не потеряли ни одного человека убитыми. Удар был настолько же неожиданным, насколько и губительным. Но эта маленькая победа уже не могла ни на что повлиять.

Войска левого фланга погибали в полном окружении. Центр оказался связан боем, сражаясь сразу на два фронта. Все же тамошний командующий сумел хоть как-то организовать противостояние, задействовав последние резервы. Правый фланг мог с минуты на минуту обрушиться, и если этого еще не произошло, то лишь по той простой причине, что на него оказывалось наименьшее давление. Уже были видны бегущие через мост несвижские солдаты: многие из них побросали оружие, а часть на бегу сбрасывала доспехи.

Сотня Георга и остатки отряда короля также направились к мосту. Как выяснилось, король не уберется в ходе этой сшибки и был тяжело ранен. Георг даже не был знаком с этим человеком, мало того – ни разу его не видел, но, когда услышал печальное известие, сердце отчего-то будто кольнуло остро отточенной иглой.

В командование вступил кронпринц. Смотреть на этого всегда миловидного молодого человека сейчас было страшно. Ярость, разочарование и боль читались на его лице, но нет и намека на отчаяние. Весь его вид словно говорит о том, что это еще не конец, что он еще вернется и припомнит сегодняшний день.

Ни на миг не усомнившись в собственных возможностях, Гийом принялся отдавать приказы. Просто удивительно, как этот молодой человек, по сути не имевший опыта командования войсками, сумел организовать отступление. Конечно, полностью предотвратить бегство ему не удалось. Люди, охваченные страхом и отчаянием, не способны прислушаться к голосу рассудка. Пусть они трижды осознают, что бегущий с поля боя – легкая добыча для догоняющего его противника, однако страх забивает все их существо, лишая разума. Но кронпринц сумел таки сориентировать около пяти сотен солдат, и те встали щитом между наседающим врагом и беглецами. К этой части присоединился и Георг со своей сотней.

В немалой степени помогло то, что наступающие уже расстроили свои порядки и хоть и не сразу, но вынуждены были отхлынуть, напоровшись на уступающие по численности, но находящиеся в строю войска. Сначала памфийцы понесли изрядные потери, основная доля

которых была на счету наемников Георга. Восседаая на лошадях, те безнаказанно и методично расстреливали из арбалетов солдат Памфийи, которые, не будучи в строю, представляли собой прекрасную мишень.

Вскоре стало очевидно, что нахрапом опрокинуть заслон не получится. Противник был вынужден оттянуть свои силы и начать перегруппировку для слаженного удара. Но когда памфийцы наконец изготовились и двинулись в атаку, несвижцы начали пятиться назад. Первыми перемахнули через мост наемники, которые тут же заняли позиции на берегу, по обе стороны от переправы. Ведя обстрел с флангов, они сумели сбить наступательный порыв атакующих и прикрыть пехоту. Памфийцы пытались задействовать лучников, но те только несли бессмысленные потери, так как наемники использовали щиты, а их соперники подобной возможности были лишены.

Последнюю точку в этом сражении поставил подожженный мост. Впрочем, вряд ли ее можно было назвать последней. С того берега все еще доносились яростные крики и звон стали. Памфийцы добивали остатки несвижцев. Изредка к реке выбегали одиночки или небольшие группы, которые, сбросив с себя все, прыгали в воду и устремлялись к спасительной суше. Везло далеко не всем. Многие памфийцы занимались тем, что грабили трупы и добивали раненых. Часть же лучников устроила соревнование, расстреливая плывущих беглецов. Так что для воинов, которые, казалось, были в шаге от спасения, еще ничего не закончилось.

Разумеется, спасется и какая-то часть из тех, кто сейчас бьется в полном окружении, но таких будет очень мало. Хорошо, если удастся спасти хотя бы половину армии, но в подобное верится с трудом. Это поражение больше походило на полный разгром, иначе и не скажешь.

– Сотник, пятый десяток из поиска вернулся. Привели дюжину беглецов, – хлопнув правой рукой по левому плечу, доложил возникший перед Георгом десятник Виктор.

– Хорошо. Доставьте их к месту сбора, передайте капитану Бону и идите к нашим повозкам. Ужин уже готов, – приняв доклад, распорядился сотник.

– Слушаюсь!

Обоз сотни, с ее имуществом и запасом продовольствия, сохранился полностью, в отличие от обоза армии. Случилось это благодаря трусоватой натуре старшего обозника Сэма. Тот сумел убедить сотника, что особой разницы, где именно будет находиться обоз, нет, ведь сотня все равно у моста. Вот и решил Георг оставить свои повозки на правом берегу реки. Так, на всякий случай. Как оказалось, решение было верным. Сейчас только он мог похвастать тем, что его люди расположились в палатках. Впрочем, лично Георг был лишен этой возможности, поскольку свою довольно просторную палатку уступил раненому королю. Нельзя сказать, что ему удалось сберечь и все продовольствие – его попросту реквизировали по причине того, что весь провиант армии стал добычей победителей. Но хотя бы поужинать его люди сумеют достойно, а там что-нибудь придумают.

Мимо прошагали усталые мужчины, которых разыскали парни из его сотни и доставили к месту сбора остатков армии. Многие из них были ранены. Трое – в доспехах и при оружии. Они шли с угрюмыми лицами, кусая губы, но весь их вид говорил о том, что с поражением они не смирились. Еще двое сохранили доспехи, но никакого оружия при них нет. Остальные одеты кто во что горазд, а точнее, полураздеты: они сбросили с себя все, что только возможно, дабы одежда не стесняла движений. Эти брели откровенно понурившись, мало чем отличаясь от каторжан, участи которых не позавидуешь. И таких сейчас – около половины из тех, кто смог выжить в том аду, что творился всего несколько часов назад.

Как только удалось сбросить преследователей, Георга вызвали к принцу. Так уж случилось, что его сотня оказалась чуть ли не единственным отрядом конницы, остававшимся в распоряжении Гийома. Поэтому сотник наряду с прочими получил приказ разослать по окрестностям разъезды, чтобы начать собирать беглецов. При встрече с организованными отрядами его людям предписывалось направлять их к месту сбора армии, предварительно узнав имя

командира. Разрозненные же – сбивать в команды и под конвоем отправлять туда же. Гийому предстояло вновь собрать армию, чтобы суметь противостоять врагу.

Проводив взглядом беглецов, сопровождаемых его людьми, Георг вновь обратил взор в сторону палатки, где сейчас находился Берард Первый. Именно там недавно скрылся и барон Гатине, когда отмахнулся от сотника. Интересно, жив ли еще король? Его рана показалась Георгу смертельной. Но ведь воображение склонно дорисовывать картины в преувеличенном виде. Похоже, он опять волнуется за короля больше, чем нужно. Впрочем, пустое это дело – ведь его величество даже не знает, кто такой Георг.

В палатке от множества светильников было довольно светло, а потому бледность короля, лежащего на мягких шкурах, особенно бросалась в глаза. «Боже, как он осунулся, – промелькнула мысль, – а ведь ранили его всего несколько часов назад. Или все же целых несколько часов назад?..» Жерар бросил вопросительный взгляд на лекаря, но тот легонько покачал головой. Жаль, что мастера ни под каким предлогом не желают сопровождать армию. Возможно, будь здесь один из них, его сюзерена можно было бы спасти. Правда, этот лекарь вместе с несколькими другими науку врачевания проходил у мастера Бенедикта. Но все же эти врачеватели умели не особо много. Конечно, их знания лежат далеко за пределами знаний знахарей или иных лекарей, лечивших бедных дворян и простых людей, которым не светило пользоваться услугами мастеров, но дара они лишены.

Барон кивком головы приказал лекарю выйти и сам последовал за ним. Король по-прежнему лежал с закрытыми глазами. Казалось, он без сознания. Жерар не знал, радоваться этому обстоятельству или нет.

– Как его величество?

– Боюсь, рассвета он не увидит. Эта ночь – вот и все, что ему осталось. Будь здесь даже мастер Бенедикт, сомневаюсь, что у него что-либо вышло бы. Копье пронзило короля насквозь, задев позвоночник.

– Было дело, мастер Бенедикт вытащил меня с того света.

– Не все подвластно даже им. Но будем надеяться, сила мастера все-таки поможет. Его высочество отправил гонца в Хемрод сразу после того, как короля переправили на другой берег. Мастер должен прибыть уже совсем скоро...

– Стой! Назад! – вдруг послышался голос караульного.

Поглядев в том направлении, куда был обращен взор солдата, Жерар увидел одного из оруженосцев короля, того самого, которого отправили в столицу графства. Рядом с ним стоял мужчина в годах, с бородой, щедро усыпанной сединой. Разглядеть больше в темноте Жерар не мог, да в этом и не было необходимости. Вот он – тот, кто может явить чудо.

– Я сэр Артур, оруженосец короля, со мной мастер Гарн из Хемрода, по приказу крон-принца.

– Прошу прощения, но я должен все уточнить.

Неуверенность солдата легко объяснить. Он не имел никакого отношения к гвардии короля и заступил на этот пост впервые в жизни. Однако ждать, пока он вызовет начальника караула, который также может не знать оруженосца, просто некогда.

– Солдат, пропусти их.

Барона Гатине не знает разве что распоследний тупица. Его приказам лучше подчиняться.

– Слушаюсь, ваша милость.

Мастер проследовал в палатку один, велел оруженосцу оставаться снаружи. Палатка сотника, конечно, побольше, чем у его подчиненных, но назвать ее просторной сложно. Лекарь, извинившись, тут же скользнул следом за мастером. Ну, он-то помехой точно не будет.

Наружу эти двое вышли через полчаса, однако обрадовать барона было нечем. Мастер подтвердил прежний диагноз, уточнив, что до утра король протянет благодаря его вмешательству, а без него преставился бы уже через пару часов. Также он заверил, что, даже окажись мастер под рукой, это ни к чему не привело бы, разве что продлило бы агонию на несколько дней. Мастера могут многое, сила их велика, но они не боги. Может, и не простые люди, но все же смертные.

– Он в сознании?

– Да. Но, на мой взгляд, было бы гуманным дать ему покой в последние часы жизни, – глядя в глаза Гатине, ответил мастер.

– Гуманность – для всех остальных, а над королями довлеет долг, даже когда они на смертном одре, – резко возразил барон. – Сэр Артур!

– Я, ваша милость! – тут же отозвался оруженосец. Его глаза, полные слез, явственно поблескивали в отсвете костров.

– Немедленно призови кронпринца. И разыщи монаха, если таковой тут сыщется.

– Слушаюсь!

Барон вошел в палатку самым последним. Сначала умирающего посетили кронпринц и члены совета – те, кто находился здесь и кто выжил. Потом настала очередь священника. Он пробыл у короля не меньше часа и, вероятно, находился бы там еще дольше, если бы барон Гатине грубо его не прервал. Как видно, его величество весьма серьезно отнесся к отходу в мир иной и довольно подробно изливал душу. Жерар наткнулся на осуждающий взгляд церковника. Несомненно, тот был чрезвычайно горд тем обстоятельством, что исповедовал самого короля. Несмотря на трагичность ситуации, это его звездный час: совершивший подобное никак не мог остаться простым монахом. Гатине отмахнулся от потуг святого отца даровать покой умирающему и отправил его восвояси. Велев караулу образовать периметр в десятке шагов от палатки, барон вошел вовнутрь.

– Гатине, – едва заведя вошедшего, слабым голосом пролепетал Берард Первый. – Прости... Несмотря на все твои старания, я оказался плохим королем.

– Бог вам судья, ваше величество, ибо никто из живущих не вправе осуждать короля.

– За исключением тебя.

– Я пришел не для того, чтобы упрекать вас в чем-то. Я никогда не относился к тем, кто предпочитает пинать смертельно раненного человека, неспособного постоять за себя. Все, с чем не согласен, я говорил всегда в лицо, когда вы были в полном здравии.

– К сожалению, я тебя не понял вовремя. Не понял, что значит быть настоящим королем. А теперь уже слишком поздно. Позаботься о моем мальчике. Он куда лучше меня, хотя и с изъяном.

– Пока бьется мое сердце, ваше величество, преданнее слуги у вашего сына не будет.

– Ну вот и все... Знаешь, а ведь мне уже не терпится уйти. Она там, и она меня ждет. Иначе и быть не может, ведь мы так любили друг друга.

Нет, его величество неисправим даже перед лицом смерти! Какой-то червячок засвербел в душе, и Жерар вдруг почувствовал, что не может молчать. Да, король из Берарда вышел никудышный, но человек он хороший. А потом кто знает – может, это окажется для него радостной вестью. Хотя... Сказанное, возможно, сразу сведет его в могилу, но точно обрадует. Дьявол! Не может он промолчать. Жерар всегда был уверен, что поступил тогда правильно – этого требовали интересы королевства и он выполнял приказ короля. Но это не значит, что он никогда не испытывал чувства вины перед теми, кто стал разменной монетой в его игре. В последнее время он стал задумываться над этим все чаще. Наверное, все-таки дает о себе знать подкрапывающаяся старость.

– Она тебя не ждет, Берард. Изабелла не покинула этот бренный мир.

– Как?.. Что?..

Вот и все. А он-то, дурак, надеялся, что король уйдет с радостной улыбкой на устах. Вместо этого – выражение крайнего удивления и широко распахнутые глаза. «Покойся с миром», – вздохнул про себя барон. Он осенил себя святым кругом с заключенным внутри крестом и склонился, чтобы смежить веки умершего...

Господи, только бы не прознал никто!!! Жерар и представить не мог, что есть еще что-то на этом свете, способное его напугать. Он не боялся выходить против оборотня в ночном лесу, точно зная, что не может использовать оружие, потому что зверь нужен был его другу Волану для опытов. Он охотился на волколака. Он целый год подвергался страшным пыткам. Да много чего еще, а тут... подскочить на полметра от легкого прикосновения умирающего! Оказывается, Берард вовсе не собирался отправляться в последний путь, не узнав, что именно имел в виду барон.

– погоди, Жерар... – едва слышно скорее выдохнул, чем сказал, король. – Расскажи мне все... Я умоляю...

– Если коротко, то разбойник ударил Изабеллу ножом в грудь и сбросил с обрыва. Но Господь уберег ее, она выжила. Ее спас один трактирщик. Она лишилась ума, но взамен получила дар исцелять людей, этим сейчас и занимается. Она всеми любима и почитаема, по-своему счастлива. Не смотри на меня так. Я узнал об этом совсем недавно. Прости, но я не мог тебе сказать.

– Несвиж?..

– Да, Несвиж.

– Боже, порой я думаю, что моему отцу следовало завещать корону тебе.

– Мы не всегда вольны в своих поступках. Он ни за что не хотел завещать ее твоему брату, но долг потребовал этого, и он подчинился.

– А дитя? Мой сын?

– Он тоже выжил, уже стал взрослым. Он славный малый и прекрасный боец. Наемник. Да, я поведал ему, кто он есть на самом деле, – правильно поняв немой вопрос, ответил Жерар. – Мальчик – настоящий внук своего деда. Он попросил, чтобы я оставил его при себе и приглядывал за ним, дабы никто и никогда не посмел использовать его против семьи.

– Он в твоём замке?

Спокойно смотреть на умирающего не было никаких сил. Берард беззвучно плакал, по его бледным щекам пролегли две мокрые дорожки слез...

Да что же это?! Не иначе как комок подкатил к горлу, мешая дышать и говорить. Телячья немочь! Да возьми ты себя в руки! Нельзя! Пользы от этого никакой, только вред!

– Он здесь. В этом лагере. Не проси. – Барон все же нашел в себе силы говорить твердо, никак не выказывая своих чувств.

– Несвиж, – устало выдохнул король. Но выдохнул легко – никакого намека на охватившие его эмоции, одни лишь слезы. – Он участвовал в сражении?

– Да. Это он пришел к нам на помощь во время той атаки.

– Как бы я хотел его увидеть!..

– Прости.

– Но ведь я могу призвать к себе того, кто спас если не мою жизнь, то жизнь моего сына?

– Не надо.

– Я не могу иначе. Он мой сын.

– Он может стать причиной множества бед.

– Тогда ты должен был его убить, чтобы обеспечить безопасность.

– Он принц крови.

– Когда тебя это останавливало, старина Жерар? Мой брат Гийом... Неродившееся дитя Бланки... Я знаю. Я всегда это знал. Но Изабелла...

– Мне слишком многое приписывают, Берард. Но правда в том, что я всегда стоял на страже короны и никогда не помышлял против королевского рода.

– Я должен верить?

– А зачем мне тебе врать?

Барон Гатине врал. Врал настолько самозабвенно, что сам готов был поверить в свою ложь. Иначе никак. Берард все еще при памяти и может сболтнуть лишнее. Жерар уже корил себя за то, что поддался чувствам и сообщил ему о Георге. Да и зачем это? Если Берарду так уж захочется узнать всю правду, то ему обо всем поведаст его отец, когда они встретятся в мире ином. Если встретятся, конечно.

– Действительно, врать тебе незачем, ведь я уже одной ногой в могиле. Ты не призовешь его?

– Телячья немочь! Берард, ты не можешь позволить себе слабости. Ты – король даже на смертном одре, до последнего вдоха!

– Вот ты меня и упрекнул.

– Прости.

– Как его зовут? Хотя бы имя я могу знать?

– Георг.

– Изабелла всегда любила моего отца как родного и также была любима. Оставь меня. Я хочу побыть один... Впрочем, одному побыть не получится, весть о кончине короля должна разнестись тотчас же. Позови сэра Артура, у него есть незаменимая способность, он может сидеть настолько тихо, что его не замечаешь.

Покинув палатку, Жерар направил в нее оруженосца, искать которого не пришлось. Верный вассал стоял сразу у границы караула, напротив входа, и смотрел с нескрываемой тревогой. Разумеется, ему было известно, что король уже отходит, но, как и любое любящее сердце, он надеялся на чудо.

А вот барон Гатине в чудеса давно не верил. Следовало срочно исправлять совершенную только что ошибку. Теперь это был прежний Несвижский Пес, и он не собирался потакать ничьим слабостям, ни своим, ни королевским. Лично разыскав Георга, он приказал ему отправить сотню в разъезды. По-прежнему была вероятность, что отыщется еще кто-нибудь из беглецов. Сам сотник возглавил один из разъездов, нечего ему здесь делать.

Едва наемники покинули лагерь, как к их стоянке подошел оруженосец короля, сэр Артур. Эх, Берард, Берард, с кем ты хотел тягаться по части хитрости! Прости, но видеть парня тебе незачем. Остается надеяться, что умирающему королю достанет благоразумия не объявить об этом во всеуслышание.

И тут Жерар покрылся испариной. Проклятье! Он может! Он уже однажды это проделал, наплевав на интересы королевства! Тогда король провозгласил, что признает ребенка, которого вынашивает его любовница Бланка. Пренебрежение королевой в те дни едва не стоило Несвижу потери графства Бесфан, являвшегося, по сути, самостоятельным, но связанным с королевством договором и кровными узами, ведь жена Берарда была графиней Бесфан. Ах он старый болван! Как можно было поддаться чувствам в такой момент!

Жерар буквально ворвался в палатку короля, выгнав наружу и лекаря, и оруженосца, вернувшегося с докладом о том, что разыскиваемый им наемник в настоящий момент отсутствует. В Берарда уперся строгий, осуждающий взгляд. Плевать, что тот при смерти, плевать, что он король. Телячья немочь!

– Решил поиграть в игры, Берард? – сквозь зубы прошипел Жерар.

Потом его взгляд скользнул по палатке и выхватил те предметы, которых тут до этого не было. Писчие принадлежности. Вот, значит, как... Выходит, догадка Жерара оказалась верна.

– Я все еще король, – слабым голосом попытался урезонить подданного Берард.

– Так будь им, тряпка!

– Как ты...

– Смею, – жестко перебил его Жерар. – Ты хотя бы понимаешь, что может случиться после того, как ты объявишь о существовании сына? Георг – твой старший и законнорожденный сын. Ты понимаешь, что это значит? Ты своими руками превратишь братьев в злейших врагов.

– Но...

– Никаких «но».

Наверное, вести себя подобным образом у постели умирающего жестоко, однако слишком многое поставлено на кон, чтобы снова поддаться эмоциям. В конце концов, одним грехом меньше, одним больше – какая разница. Единственное, о чем Жерар сожалел, так это о своей слабости, проявленной сегодня.

– Прости, старина. Я сам не знаю, что творю, – проговорил Берард.

Хотя барон намеревался оставаться с королем до конца, чтобы предотвратить любое безрассудство с его стороны, осуществиться этим желаниям было не суждено. Да, король при смерти, но жизнь продолжается. Дела королевства требовали присутствия барона Гатине на военном совете, который собирал кронпринц и о чем известил его посыльный. Ему ничего не оставалось, кроме как подчиниться и покинуть палатку, уповая на волю Господа и остатки благоразумия того, кто за свою жизнь наделал достаточно глупостей.

Как и ожидалось, совет собрался не в шатре, который стал добычей памфийцев, а под открытым небом, у векового дуба. Сюда явились все, кто имел отношение к командованию остатками армии. Присутствовали и новые лица. Не в том смысле новые, что барон их не знал, просто раньше они не могли и помыслить о том, что окажутся на королевском совете. Состоявшееся сражение и понесенные потери внесли в жизнь свои коррективы. Были и те, кто относился к приближенным кронпринца, их статус начал расти на глазах, так как любой монарх предпочитает окружать себя своими ближайшими сподвижниками. Но Жерар по этому поводу был абсолютно спокоен: Гийом окружал себя не столько знатными, сколько перспективными личностями. Для этих молодых людей пришла пора сдавать экзамен на зрелость. Что ж, удачи.

– Теперь все в сборе, – заметив подходящего барона, произнес Гийом, но все-таки не удержался: – Как король?

– Без изменений, ваше высочество.

– Ясно. Начнем. Итак, ситуация следующая. На данный момент наши силы насчитывают две тысячи семьсот человек. Конные разъезды все еще продолжают собирать остатки разбежавшихся, но сомнительно, что цифра претерпит большие изменения. Значит, будем исходить из текущего положения вещей. Плюс к этому мы имеем пять сотен непосредственно в Хемроде. Прямо скажем, мало.

– Ваше высочество забывает, что половина из собранных здесь без оружия, а большинство из этой половины – и без доспехов. К тому же нужно помнить о том, что после поражения боевой дух армии, мягко говоря, не на высоте. Так что я бы оценил количество войска не как «мало», а как «ничтожно мало», – покачал головой граф Камбре, на голове которого красовалась повязка с бордовым пятном запекшейся крови. Именно он командовал войсками в центре, и благодаря его стараниям и таланту удалось предотвратить обрушение остатков войск в центре, а также всего правого фланга. Весьма дельный военачальник. Если бы король доверил руководство битвой ему, то он бы ни за что не вел сражение столь бездумно и неосмотрительно. Ну да чего теперь-то.

– Это так, – согласился Гийом. – Исходя из этого и будем принимать решение. Прошу высказываться.

– Если позволите, я начну.

– Говорите, граф Камбре.

– Считаю, что необходимо сосредоточить все наличные силы в Хемроде. Городской совет и тамошний королевский наместник не зря едят свой хлеб. Город готов к осаде. Правда, есть и куда лучшие укрепления, но хемродское находится в должном состоянии. Более трех тысяч солдат, даже если некоторые из них здорово подавлены, вполне способны удержать город. К тому же в оружейной найдется все необходимое, чтобы восполнить потери вооружения и снарядить ополчение. Памфийцы не смогут оставить у себя за спиной такой укрепленный пункт. Оборона Хемрода сильно задержит их и нанесет потери. Мы получим возможность подтянуть ту часть армии, которую не успели задействовать из-за спешки, а также собрать баронское ополчение.

– Я согласен с графом, – поддержал графа виконт Водемон, командовавший войсками своего отца, который не имел возможности сделать это лично ввиду преклонного возраста. – Конечно, памфийцы также собрали не все свои силы, стремясь нанести внезапный удар, но думаю, что с этим у них возникнут кое-какие трудности. На слишком уж большое подкрепление им рассчитывать не приходится. Не будем сбрасывать со счетов Бесфан. Даже если ополчение графства не ударит по Памфии, одно его наличие заставит короля Джефа поумерить свой пыл.

– Что думает барон Гатине?

– При всем уважении, ваше высочество, мне кажется, ему следовало думать раньше, до начала военных действий, – с нескрываемой иронией произнес барон Кале, один из молодых сподвижников принца. – Теперь слово не за ним, а за генералами.

Жерар и не подумал обижаться на молодого человека. Серьезных причин для этого нет. Еще вчера барон Кале был одним из свиты принца и ничто не указывало на то, что Гийом уже к сегодняшнему утру окажется королем, а сам молодой человек, соответственно, особой, приближенной к монарху, его доверенным лицом. Ясное дело, в нем сейчас говорили молодость и горячность. Кто в свои двадцать с небольшим не пребывает в уверенности, будто до него никто не знал, как именно следует поступать? Вот сейчас он всех научит, как именно все должно быть. «Ничего-то ты не знаешь, бедолага Кале, – усмехнулся про себя барон. – Ты пока еще не на вершине, а только готовишься сдать экзамен на преданность и завоевать право именоваться советником и сподвижником короля».

Принц и не думал поддерживать молодого барона – он продолжал внимательно смотреть на Жерара. Раздалось еще несколько реплик в духе той, что была брошена Кале. Благо высказывались такие же молодые люди – это вселяло надежду, что все не так плохо, как кажется. Гийом и на эти слова никак не отреагировал. Он ждал, когда заговорит тот, чье мнение для него действительно было важно. Только закоснелый солдафон или восторженный юнец могут считать, что войны выигрываются лишь на поле сражения.

– Если исходить из количества воинов, а также принять в расчет верность Хемрода сюзерену и союзническому договору, граф Камбре прав, – перестав наконец испытывать терпение кронпринца, заговорил барон Гатине. – Но, к сожалению, вынужден заметить, что он ошибается, поскольку исходит не из тех предпосылок. При всем уважении, ваша светлость.

– Я только высказал свое мнение, – пожал плечами граф.

– И оно было бы верным, если бы не некоторые обстоятельства. Итак... Король Джеф тайно выводит армию к границе с нами. Он не собирает ополчение, он не использует дополнительные войска, а наносит удар лишь половиной своих наличных сил. На что он рассчитывает?

– На внезапность атаки, – тут же подал голос барон Кале.

– Правильно. Но с такими силами взять Хемрод с ходу практически нереально. На момент вторжения там находился тысячный гарнизон плюс ополчение. Джеф был бы вынужден начать планомерную осаду, подтягивая осадное снаряжение и подкрепления. Столица графства – довольно большой город с населением пятнадцать тысяч человек. Прибавьте сюда крестьян из окрестностей. Вспомните о том, что за спиной у него остается наш верный союзник

Бесфан. У меня вопрос. Король Джеф – идиот? Не утруждайте себя ответом. Он весьма прозорливый правитель и хороший полководец. Вынужден признать, что немногим удавалось обвести меня вокруг пальца, но, похоже, ему это удалось, как и бесфанским баронам.

Все так и есть. Вынужденный слишком много сил и времени уделять внутригосударственным интригам, а также Кармелю, Жерар несколько ослабил бдительность по отношению к соседям. Теперь приходится пожинать плоды. В немалой степени вина за случившееся лежала и на умирающем короле, но все время вспоминать об этом и искать оправдание самому себе – удел слабых. Сильные признают свои ошибки, думают над тем, как исправить положение, и идут дальше.

– Ситуация такова, – нахмурился барон Гатине. – Король Джеф использовал уже давно зревшее недовольство среди баронов Бесфана. Склонить их на свою сторону и убедить выступить вместе с ним Джефу не удалось, зато удалось заручиться их нейтралитетом. Можете не сомневаться: если мы проиграем эту войну, Бесфан будет потерян окончательно, даже если королева вернется на родину и возглавит графство.

Он не стал заострять внимание на том, что подобное стало возможным благодаря бездумным действиям Берарда Первого. Нет необходимости – умный поймет сам, а дуракам объяснять бесполезно.

– Выходит, союзников в этой войне у нас нет и не будет, – продолжал барон. – Теперь что касается Хемрода. Разумеется, памфийцы рассчитывают его захватить, и это у них вполне получится. Графство присоединено чуть больше двух десятков лет назад, более половины его населения – памфийцы, к тому же далеко не все, кто жил при прежней власти, отошли в мир иной. Многие из молодых людей, живших в прежнем Хемроде, вступили в зрелый возраст и еще отнюдь не старцы. Стоит ли так уж сильно рассчитывать на городское ополчение? Половина городского совета также досталась нам в наследство, как и часть стражников, все еще остающихся на службе. Если мы решим оборонять город, то на полноценную помощь горожан рассчитывать не приходится, скорее уж следует ждать удара в спину. Оборона стен обойдется хемродцам очень дорого, к тому же память о последнем таком событии еще не стерлась из сознания людей. За эти годы королевской власти удалось сделать немало, но, чтобы окончательно заполучить преданность горожан, этого было явно недостаточно.

– Вы многое сказали, но я не услышал никаких предложений, – вновь заговорил граф Камбре.

– Боюсь, они не понравятся совету.

– Говорите, барон. – Принц был серьезен и сосредоточен, ведь кому, как не барону Гатине, знать о царящих настроениях и в Хемроде, и в сопредельных государствах.

– Я предлагаю оставить Хемрод. Вывезти весь арсенал, чтобы вооружить наших беглецов. Отвести войска. В этом случае мы получим более трех тысяч солдат, которых я предлагаю расположить в замках Карсон, Кане и Кубель. Это настоящие крепости. Остальные в расчет принимать не стоит, ни один из них не выдержит серьезного штурма. Чтобы осадить все три замка, королю Джефу понадобится больше сил, чем для осады одного только Хемрода. Оставить без внимания столь серьезные гарнизоны он никак не сможет.

– Вы предлагаете без боя оставить половину графства? – вновь подал голос виконт Водемон.

– Зато гарантированно удержать вторую половину. Графству Гиннегау надлежит изготавиться к обороне по старой границе, благо приграничные замки еще не успели слишком обветшать. Таким образом, нам удастся серьезно задержать наступление памфийцев. Разумеется, если гарнизоны замков будут достаточно упорны в своем сопротивлении. Вот только держаться им придется долго, очень долго. Подозреваю, что Загрос постарается воспользоваться ситуацией и атаковать графство Кинол. Так что сначала нужно будет решить эту проблему.

– Война на два фронта, – задумчиво проговорил принц. Тут есть отчего впасть в уныние. Прежняя ситуация была, конечно, тяжелой, но несмертельной, а вот теперь, похоже, тучи сгущаются, предвещая настоящую грозу.

– Загросцы не распустили легионы после подавления мятежа в Кармеле. Это нетипично для них. Совет очень нервно относится к большим армиям, находящимся под командованием популярных в народе полководцев. Им все время мерещится призрак короля, восседающего на престоле Загроса. Генерал Варен – не просто превосходный полководец, он еще и пользуется любовью народа. Оставлять под командованием такого человека серьезные силы для загросцев очень неразумно. Значит, на то есть причина, и она вовсе не в том, что в Кармеле все еще не утихли отголоски восстания. В этом плане там тишина, а уж после казни принца Канди... Загросцы уже давно облизываются на кинолские рудники, и сейчас момент весьма удачный.

– Ваше высочество... Господа... – Перед советом предстал молодой оруженосец короля, легким кивком головы поприветствовав собравшихся.

По его виду можно было без труда понять, что именно он хочет сообщить и отчего взял на себя смелость без приглашения заявиться на заседание совета.

«Как же так? Ведь мастер заявил, что Берард протянет до утра...» – Задумавшийся было над этим Жерар тут же себя одернул. Ничего удивительного. Странно, что тот вообще протянул дольше часа после пережитого волнения.

– Король умер, – выдержав положенную паузу, возвестил молодой человек.

Боже, все не так! Не так все должно происходить. Не может этот оруженосец возвещать подобную весть. Не в таком окружении должен уходить монарх. Но жизнь вносит свои коррективы, в том числе и на ритуалы.

– Да здравствует король!!! – тут же взревели все присутствующие, оглашая окрестности и возвещая всем о случившемся. Да, один король ушел, но род несвижских правителей все еще на престоле, а значит, не все потеряно.

Несмотря на полученное известие, Гийом и не подумал завершать совещание. Времени слишком мало, а вопросов слишком много, и каждый из них по важности можно поместить во главу списка. Только когда последнее мнение было высказано, когда были приняты окончательные решения, отданы все распоряжения и направлены гонимые, молодой и пока еще не коронованный король отправился к палатке, где покоилось тело его отца. Вот, еще и это. Необходимо отправить эскорт с телом покойного в Несвиж. Удастся ли Гийому принять участие в похоронах? Вряд ли. Настали тяжелые времена.

Сзади раздался легкий шорох. Обернувшись на шум Гийом увидел вошедшего барона Гатине. Это был единственный человек, которого он хотел видеть. У него имелся свой круг приближенных. Опираясь на их плечи, он намеревался править. Вот только им еще предстоит многому научиться, доказать свою преданность и способность принести пользу, а потому служить поддержкой они пока не способны. Сейчас молодой король мог по-настоящему опереться лишь на старую гвардию, в первую очередь на барона Гатине. А может, все дело в том, что он искренне любил этого сурового человека, положившего на алтарь королевства всю свою жизнь без остатка. Этого человека он от чистого сердца называл дядюшкой, хотя ни о каких кровных узах не было и речи.

– Он так тихо ушел, дядюшка. Взгляни на него – по-моему, перед смертью он даже улыбался. Видишь?

– Вижу, ваше величество.

– Странно. Тут такое творится... А он улыбается так, словно умер не в поле после проигранного сражения, а в дворцовой спальне, достойно завершив все свои дела.

– Всегда остается что-то незавершенное, всего не успеть. Думаю, он ушел без тревоги, ясно осознавая, что успел подготовить себе смену, что вы достаточно повзрослели и окрепли, чтобы справиться со всеми невзгодами. Это великолепно проявилось там, у моста.

– Мы справимся, дядюшка? – невольно поежившись, спросил молодой человек, все так же глядя на тело отца.

– Мы обязаны это сделать. И мы это сделаем.

Гийом склонился над небольшим ящиком, служившим походным секретером, в котором обычно хранятся писчие принадлежности.

– Что это?

Поверх ящика лежал лист исписанного пергамента. Быстро пробежав взглядом текст, молодой король удивленно воззрился на барона:

– Что это значит?

– Я бы ответил на этот вопрос, если бы был знаком с текстом, – едва сдерживаясь и с трудом сохраняя самообладание, ответил барон Гатине, борясь с желанием вырвать пергамент из рук молодого короля.

– Прочти.

Ну, слава богу. Не сказать, что Жерар одобрял поступок Берарда, но хорошо хоть у того хватило остатков мудрости не обнародовать то, что стало ему известно. Интересно, куда отправилась сегодня ночевать мудрость самого Жерара? Учудить подобное мог только глупый и восторженный юнец, а не такой старый лис, как он.

– Судя по всему, своей последней волей Берард Первый возвел в рыцарское звание командира наемников и даровал ему баронский титул. Своими действиями этот отважный воин спас и вас, и вашу свиту.

– Думать об этом, когда твой час уже пробил? Ты не находишь это странным?

– Наверное, ему просто нечем было заняться в ожидании конца и он решил таким образом скоротать время.

– Дядюшка, ты сейчас сам себя слышишь?

– Если помните, я был в схожей ситуации. Поверьте, в этот момент можно думать о чем угодно. Например, о шляхах. Что вы на меня так смотрите? Ну да, было дело. А что мне еще оставалось? Жалеть себя и горевать о своей незавидной доле?

– Барон Авене... Ты понимаешь, что это значит?

– Господи, да ничего это не значит! Захотел его величество отблагодарить лихого наемника, вот и решил даровать ему баронский титул. Хотя по мне, так и рыцарская цепь – уже весьма щедрая награда для выходца из народа.

– Но он решил одарить его и титулом.

– Я и говорю, что это слишком.

– Это один из титулов несвижских королей.

– Берард был в таком состоянии... Ничего удивительного, что он выбрал титул, который первым пришел на память, ведь секретаря под рукой нет и разум затуманен. И вообще об этом документе никто не знает, убедить оруженосца не составит никакого труда, так что давайте пергамент сюда.

– Что ты собираешься с ним делать?

– Донести до ближайшего костра. Тут недалеко, всего-то полторы дюжины шагов.

– Нет.

– Почему?

– Это последняя воля моего отца.

– Да пожалуйста. Раз уж и вы хотите быть таким щедрым, даруйте ему другой титул. Найдется и звание, и свободные земли – да хоть в том же графстве Хемрод, благо сотник отсюда и родом.

– Нет. Отец за свою жизнь совершил достаточно глупостей. Очевидно, покинуть этот свет он тоже не сумел как подобает монарху. Но в любом случае я уважаю его последнюю волю.

Пусть будет как оно есть. Правда, боюсь, приобретение так себе, баронство сейчас в полном упадке.

– Тогда тем более имеется причина одарить парня чем-нибудь поценнее, нежели подобное захолустье.

– Я исполню последнюю волю отца. Этот наемник в лагере?

– Не знаю. Возможно, вернулся уже. Они все в разъездах, собирают беглецов.

– Кстати, а что ты имел в виду, говоря о неприятном сюрпризе, который мы можем преподнести памфийцам?

– Вы не поверите, но я имел в виду именно этого наемника, Георга... Хм... Я хотел сказать, сэра Георга, барона Авене. Разумеется, вместе с его отрядом. Дело в том, что во время восстания в Кармеле ему удалось наделать столько шума, что на его поиски бросили немалую часть войск, это и предопределило исход первого победного сражения принца Канди.

– Отчего же ты не сказал об этом на совете?

– Не нужно никому знать о том, что в тылу у памфийцев будет всего сотня наемников. Поверьте, он сумеет сделать так, чтобы король Джеф гонялся за тысячей. А еще окружающим не следует знать и о том, что здесь орудует именно он. В Хемроде проживает его матушка, которую он почитает больше всего на свете. Если станет известно о нем, то... Парень предан короне, но еще больше предан своей матушке, я даже боюсь предположить, на что он решится, если с ней что-то случится.

– Так пусть он ее вывезет. Конечно, Авене – не то место, куда можно отправить близких, но уж пристроить ее на время где-то еще ему по силам.

– Не может он этого сделать. Не поедет она никуда. Ваше величество, здесь все очень сложно. Просто поверьте мне, так будет лучше.

– Хорошо, дядюшка. Я тебе верю.

– Давайте грамоту, я ее передам ему.

– Нет. Как только Георг вернется, представь его мне. Я лично оглашу документ и в присутствии совета посвящу его в рыцари. К тому же я ведь должен знать, кому теперь принадлежит это имя.

– Слушаюсь.

Георг вернулся на рассвете, как и остальные десятки его сотни. Люди были измотаны до последней стадии. От обильного ужина остались лишь воспоминания, а о завтраке приходилось только мечтать, так как все продовольствие было реквизировано. Правда, десятку Виктора удалось подстрелить оленя, неосторожно повстречавшегося на их пути. Но и тут вышла незадача. Туша благородного красавца благополучно миновала их котлы и отправилась напрямик на вертел неподалеку от ставки молодого короля.

По возвращении Георг узнал о том, что Берард Первый умер. Он искренне прислушивался к своим ощущениям, но, как ни силился, не смог ничего почувствовать. Ни горечи утраты, ни жалости. Он как будто даже и не расстроился. Просто воспринял информацию и остался самим собой, полностью отдавшись заботе о своих людях. Парней нужно накормить. Остро этот вопрос пока не стоял, но провиант – такое дело, пренебрегать которым не следует.

Однако и этот вопрос пришлось отложить в сторону: совсем скоро Георга вызвали к его величеству. Он совершенно спокойно выслушал речь молодого короля. Столь же равнодушно прошел через спешный ритуал посвящения в рыцари, будничным тоном дал вассальную клятву новоявленного барона. Все это время он думал о чем угодно, только не о происходящем вокруг.

В себя он пришел, когда торжественная церемония подошла к концу и о нем тотчас все позабыли (или сделали вид, что позабыли). В этот момент молодого рыцаря окликнул барон Гатине. Едва взглянув на него, Георг сразу обратил внимание, что тот сильно осунулся за ночь

и будто постарел. Всегда бодрый мужчина в годах, сейчас барон выглядел на свой истинный возраст.

– Ну как, барон Авене, что ты чувствуешь?

– Что пять минут назад меня здорово надули.

– Отчего же?

– Не дать вассальную клятву, будучи новоиспеченным бароном, я не мог, но едва я это сделал, как перешел в иное качество. Из наемника сразу превратился в вассала, а им, насколько мне известно, не платят. Наоборот, сражаться за своего сюзерена – это их долг.

– Как и долг сюзерена – сражаться за них.

– Ну и зачем мне это нужно? Зачем это нужно моим парням?

– Тебе не угодишь. Между прочим, тебе только что даровали не только титул, но и баронство. Это реальная земля. Правда, владения сейчас пребывают в некотором запустении, но это дело поправимое. Главное, что у тебя теперь есть дом.

– Пока у меня не было дома, я был куда более состоятельным, чем теперь, когда он у меня появился.

– Все относительно. Кстати, договор с тобой был заключен раньше и все его условия сохраняются до той поры, пока он не будет разорван приказом короля. Так что, можно сказать, для тебя пока ничего не поменялось. А вот после войны твой статус действительно изменится. И лишь от тебя зависит, каким будет твой дом – останется захолустьем или начнет процветать. С этим все?

– Пока все.

– Вот и ладно.

– Барон, он... – Георг запнулся, не зная, как спросить о том, что вдруг ни с того ни с сего стало для него важным.

– Он умер, зная о тебе. – Жерар прекрасно понял, что именно взволновало новоиспеченного барона Авене. – Он хотел тебя видеть и даже приказал мне призвать тебя. Но вместо этого я ускакал тебя в разъезд. Не смотри на меня так, мой мальчик. Я не мог поступить иначе, и повторись ситуация снова – поступил бы так же. Я уговаривал его ничего не предпринимать, но он поступил по-своему. Последнее, что он сделал, покидая этот бранный мир, – составил ту грамоту, что вручил тебе Гийом. Его последние мысли были о тебе и твоей матушке, его возлюбленной Изабелле, которую он искренне любил до последнего вздоха. Прости меня, если сможешь.

– А если не смогу? – отчего-то севшим голосом спросил Георг.

– Значит, еще одним грехом в моей копилке будет больше.

– Я не держу на вас зла, барон Гатине. Можно только восхищаться человеком, который имеет цель всей своей жизни, да еще и направленной не во благо себе. Но всегда ли цель оправдывает средства?

– О том судить не мне, а потомкам. Возможно, придет тот день, когда матери будут пугать детей моим призраком, а при одном упоминании моего имени люди станут плевать, исходя ненавистью и называя меня палачом. Для меня важно лишь то, что я верю в свою правоту, хотя, может, вовсе неправ. Время все расставит по своим местам, а для меня главное – не завтра, а сегодня.

– И что же ждет сегодня меня и моих людей? Мы вроде как остались не у дел.

– И не надейся. Никто не станет платить золото за красивые глазки, даже такой молодой и малоопытный король, как Гийом. Тебе предстоит повторить то, что ты уже проделывал в Кармеле. Полная свобода действий. Важно сделать все, чтобы армия памфийцев постоянно пребывала в напряжении, несла потери, а главное, была скована настолько, чтобы не могла продвигаться вперед.

– Иными словами, мы должны проделать огромную работу за обычную плату. Допустим, я помню о нашем разговоре в Гатине, но мои люди – простые наемники.

– Понимаю. Там имелся дополнительный доход в виде разграбленных вилл и замков. Разумеется, король не одобрит разграбление графства, которое он вполне серьезно собирается вернуть обратно. Но ведь до границы недалеко. Кстати, сумеешь сколотить кое-какую сумму и для своего баронства. Пора думать о доме.

– А что с Хемродом?

– Королевские войска его удерживать не будут. Если совет города возжелает сохранить преданность короне и оборонять город, то Гийом будет им признателен, но если они передадут ключи от города королю Джефу, то он их не осудит.

– Слава богу.

– Я знал, что ты обрадуешься. И последнее. О том, что ты планируешь действовать здесь, будут знать только король, я и твои люди. Остальное в твоих руках.

– Спасибо, господин барон.

Георг вдруг осознал, как последний камень свалился с его плеч. Если удастся скрыть свое имя, матушка будет в безопасности. Конечно, за ней есть кому приглядеть, окружающие искренне ее любят и не дадут в обиду, но кто сказал, что толпа сумеет воспрепятствовать солдатам?

– Пора бы уже начинать обращаться ко мне как к ровне, барон Авене.

– Я обязательно это учту, барон Гатине.

– Отлично получается.

Глава 2

В тылу врага

День выдался пасмурный. Но оно и к лучшему: ни капли дождя из нависших туч так и не пролилось, зато овевает приятная прохлада. Это совсем не то же самое, что было два дня назад, когда пришлось сражаться под палящими лучами солнца. Весна вообще выдалась ранняя и теплая – если не дождь, то палящая жара. Сегодняшний день был приятным исключением. Вот бы такая погода на время всей кампании. Несбыточные мечты. Радует хотя бы то, что сегодня будет прохладно и без сырости, все указывает на это. А вот завтра или даже ночью, скорее всего, начнется дождь – судя по всему, нудный и затяжной.

Едва рыцарь подумал об этом, как между лопаток пробежал озноб, и он зябко повел плечами. Любой, кому доводилось расхаживать облаченным в доспехи в сырую погоду, легко его понял бы. Холодное сырое железо, промокшая насквозь одежда, которая совершенно не держит тепло тела. Плащ некоторое время еще помогает, но не слишком долго – уже через пару часов, это в лучшем случае, ты промокаешь насквозь. На тело, уже привычное к тяжести доспеха, ложится двойная нагрузка отяжелевшей от обилия влаги одежды. И все это сопровождается мерзким, липким холодом. Бр-р-р.

Двое суток армия Памфии простояла близ поля, на котором состоялось сражение. Во-первых, нужно было восстановить переправу, чтобы не делать крюк, так как путь памфийцев лежал к Хемроду, а тот был расположен на другом берегу. Во-вторых, оказать помощь раненым и привести части в порядок. Необходимо было также разобраться с трофеями, которых досталось довольно много – весь обоз несвижской армии перешел в руки победителей. Эти трусливые зайцы побросали все, что только возможно. И почему Памфия столько лет терпела свое положение на вторых ролях, уступая этим трусам и неумехам!

Около сотни рыцарей попало в плен. Мысли об этом особо согревали. Сэр Харт был младшим отпрыском небогатого рода, и ему пришлось покинуть отчий дом. Нет, никто его не гнал и не попрекал куском хлеба, более того – старший брат уговаривал остаться и возглавить дружину, так как у него самого хватало иных забот. Опытный боец никак не будет лишним: это куда дешевле, чем содержать воина за жалованье, и преданность обеспечена по определению. Времена беспокойные, соседи то и дело задираются, выискивая повод, чтобы прибрать к рукам и замок, и земли. Но Харт сам не смог усидеть на месте.

Всю жизнь прожить за спиной брата без возможности завести семью ввиду отсутствия дома – незавидная участь. Разумеется, есть бароны, которых Господь обделил сыновьями или прибрал их к себе, но, сидя дома, выгодную партию не подберешь. Ни один родитель не отдаст свою дочь за того, кто предпочел стать приживальщиком в доме брата. Другое дело, если рыцарь прошел сквозь горнило войн, повидал свет. Такой и жизнь знает, и при случае сумеет позаботиться о семье, дав отпор недругам.

Харт служил у короля Джефа уже три года, и это была его первая настоящая война. До этого ему приходилось участвовать лишь в мелких пограничных стычках да вправлять мозги зарвавшимся вассалам короля в местных конфликтах. О том, чтобы оказаться в рыцарской коннице, пришлось позабыть сразу. Он, конечно, из славного рода, многие поколения служившего королям Памфии, но не имел самого главного, что являлось определяющим при причислении к рыцарской коннице, – достойных доспехов. Харт готов был сражаться в первых рядах даже нагишом, но это не устраивало короля.

Однако грех жаловаться. За такой короткий срок суметь выбиться в командиры отряда легкой конницы – это дорогого стоит. Вот только не задержаться бы в этом качестве слишком долго. На эту войну у Харта были большие надежды. За доблестную службу его могут одарить

баронством: когда они отвоюют обратно графство Хемрод, свободных поместий будет достаточно. Остается лишь не зевать и суметь поднять хозяйство после войны. Уже сейчас, в самом начале кампании, Харт имел очень хороший задел. Дело вовсе не в той добыче, что он сумел взять на поле боя, это мелочи. Куда большую выгоду он получил уже после сражения, когда со своим отрядом отправился в разъезд.

Им посчастливилось нарваться на раненого рыцаря, которого сопровождали трое воинов. Дрались они что черти, но пали под мечами его всадников. Несвижский рыцарь в той схватке не принимал участия, так как был без сознания. Никаких видимых ран на теле пленного они не обнаружили. Как оказалось, рыцаря сильно приложило по голове и, скорее всего, его вынесли с поля боя вассалы.

Какова же была радость, когда, выйдя из забытья, несвижец назвал свое имя. Две шестерки! О такой удаче можно лишь мечтать. Сэр Вильям, виконт Раглан, наследник графа Раглана! Выкуп за него обещал быть просто огромным. На вырученные средства Харт легко мог восстановить поместье, которое оставалось только заслужить. Была, правда, одна проблема. Он не имел вассалов, так что отправить свою добычу в замок старшего брата было не с кем.

Тут имелись и другие соображения. Отправь он пленника в отчий дом, и придется делиться, ведь брат будет приглядывать за его трофеем. Немного подумав, Харт решил поступить иначе. Никто не сомневался в том, что Хемрод добровольно вынесет ключи. Харт оставит виконта в какой-нибудь местной гостинице, оплатит которую будет намного дешевле, чем делиться с братом. Слово рыцаря удержит его добычу почище самых крепких цепей. Вон и сейчас, например. Сопровождаемый им пленник – в доспехах, при оружии, но даже не помышляет о том, чтобы освободиться, потому как дал слово рыцаря. Потом-то эти доспехи у него заберут. Комплекция у молодых людей схожая, так что они вполне сгодятся новому владельцу. Но пока пусть берегут самый ценный из его трофеев.

Так что Харт просто определит своего пленника в Хемроде на постой, внесет предоплату, благо деньги появились и еще что-то можно будет выручить с продажи взятой добычи. Вот там-то милейший виконт и будет ждать своего освобождения. Выкуп не заставит себя долго ждать, в этом рыцарь уверен. Что с того, что он отпустит несвижца? С благородными это вовсе не возбранялось, иное дело – чернь.

Простолюдинов король или господа могли выкупить только после заключения мира, а до той поры их содержат под стражей, вернее, используют на каторжных работах. Вряд ли среди нынешних пленников есть крестьяне или ремесленники, эта армия прибыла без ополчения. Так что никто не станет сажать их на землю или приставлять к ремеслу. С наемниками ситуация иная – им вполне могут предложить и наем. Никакого позора в этом нет. Они честно сражались, попали в плен, с кем не бывает. На этом все: их долги перед прежним нанимателем списываются и они вполне имеют право пойти на новую службу. Не захотят? Тогда каторга и ожидание выкупа со стороны прежнего нанимателя. Вот только не случалось пока такого, так что наемники в куда более выгодном положении. Королевским солдатам повезло меньше: у них не договор, а присяга. Конечно, есть и такие, что переступают через нее, вот только доверием они не пользуются и у новых господ, а прежний уже заочно приговаривает их к смертной казни. Клятвы не для того даются, чтобы их безнаказанно можно было нарушать...

Как известно, если хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах. Так было, так есть и так будет всегда. За слова мудрецов уплачена высокая цена, и зачастую разменной монетой здесь является кровь. Та самая кровь, что хлынула горлом у вдруг поперхнувшегося рыцаря. Он еще успел царапнуть кольчугу, из которой торчала оперенная смерть, но это было последнее, что он сделал в своей жизни, так как тут же упал под ноги коня.

Ему уже не дано было услышать непрерывные хлопки, которые начали раздаваться, накладываясь один на другой. Увидеть, как некоторые из его людей падали, сраженные невидимыми стрелками, иные вздыбливали лошадей, стремясь как можно быстрее развернуться и

бежать из-под обстрела, а остальные пытались прищпорить коней и прорваться вперед, но там их уже ждали и расстреливали в упор. Лишь небольшая часть попыталась изготавиться к бою и понять, откуда идет обстрел. Но когда они, казалось, определяли место, где засели арбалетчики, смерть приходила сзади.

Сэр Вильям Раглан ошеломленно осматривался по сторонам, силясь разобраться, что тут вообще происходит. Он уже перевел из-за спины щит, вынул меч, но никак не мог решить, как следует поступить. Ему было непонятно, кто именно напал на их отряд. Если разбойники, то надо драться. Но такого запредельного количества арбалетов у разбойников просто не может быть. Войска короля? Но где королевские стяги? Где хотя бы один воин? Никого не видно. Остается предположить, что это отряд наемников, решивших половить рыбку в мутной воде. Опять непонятно. К чему нападать на воинский отряд, где они могут получить скорее сталь в плотку, чем стоящую добычу? Полсотни всадников – это не купеческий караван.

Виконт Раглан все еще озирался, вертясь на своем коне как волчок, когда последний памфиец, пытавшийся спастись бегством, пал от очередного арбалетного болта, угодившего ему точно между лопаток. Это что же получается – засевшие сумели рассмотреть его герб и решили напасть именно из-за него, чтобы получить выкуп с его отца? Иного объяснения тому, что при столь точной стрельбе ни один болт не был направлен в него, Вильям не находил. Как когда-то говорил его соратник по обучению воинскому искусству: «Ты слишком дорогой товар». Он тогда здорово на него обозлился, но подтверждение его словам не заставило себя долго ждать. И вот теперь, похоже, все повторяется. Он, сэр Вильям, виконт Раглан – просто дорогой трофей, ради которого одни убивают других.

– Эй, виконт! Только не вздумай бросаться на моих людей! Дэн, добить всех. Да смотрите поаккуратнее, чтобы никому не сунули нож. Ну здравствуй, Вильям.

Бред!.. Этого не может быть! Это не может быть он! Да какого дьявола не может – вон он снял шлем и улыбается. За прошедшие годы он сильно возмужал и заматерел, но все равно черты остались прежними и легко узнаваемы.

– Прошу прощения, виконт, я вовсе не ожидал, что прежнее товарищеское обращение расстроит вас столь сильно, что вы в гневе потеряете дар речи. Поверьте, я никоим образом не хотел вас оскорбить или обидеть, – улыбаясь, произнес поднявшийся из-за куста воин.

– Можешь не верить, но я только что тебя вспоминал. Вокруг свистят болты, а я отчего-то вспомнил тот день.

– Это когда я тебя называл дорогим товаром?

– Именно.

– Ага. Ситуация в чем-то похожа. Хвала Господу, этот рыцарь не забрал твои доспехи и мои люди смогли загодя тебя опознать.

– Как ты тут оказался? Только не говори, что отправился меня спасать за обещанное моим отцом вознаграждение.

– Это да. Это я поторопился. Граф, к сожалению, не знает, что ты в плену. Так что не видать мне моей награды.

– Когда это мой отец был скупцом?

– Поверь, даже мысли не было тебя обидеть или усомниться в твоём отце. Если он посчитает, что должен отблагодарить меня, то я нипочем не откажусь.

– Ну здравствуй, Георг.

Георг хотел было еще поерничать, мол, не пристало виконту, наследнику графского рода, так панибратски общаться с простым наемником. Но, видя, как тот соскочил с коня, отбросил шуточки в сторону и, быстро приблизившись, заключил Вильяма в объятия.

– Так все же, как ты тут оказался? – Вильям с интересом смотрел на то, как сноровисто действуют наемники. А в том, что это именно наемники, он не сомневался, коли уж ими командовал Георг.

- Волей короля.
 - Берард все же сумел вырваться из той бойни?
 - Не совсем, – осознав, что ему отчего-то трудно говорить на эту тему, вздохнул Георг. – Берард Первый был смертельно ранен и умер еще до рассвета.
 - Прими Господь его душу. Значит, сейчас на престоле Гийом Второй?
 - Ну, он еще не коронован, но это только формальность.
 - Он здоров?
 - Даже не получил ни единой царапины.
 - Хвала Господу. Расскажи, что вообще сейчас происходит?
 - Все плохо, но могло быть еще хуже. Мы потеряли больше половины армии. Хемрод решено не удерживать. Остатки армии разделили на три части, чтобы посадить тремя гарнизонами в замках Карсон, Кане и Кубель.
 - Конечно, среди памфийцев ходили разговоры, что Хемрод достанется им без боя... Но разумно ли это?
 - Еще как разумно. Хемродцы не горят желанием сражаться, там половина населения – памфийцы.
 - Но ведь его придется отвоевывать обратно.
 - Дай бог разбить короля Джефа, а с Хемродом можно разобраться и позже.
 - Что ж, королю и совету виднее. А ты, как я понимаю, командуешь одним из отрядов, которому вменено сдерживать наступление памфийцев?
 - Не совсем так. Я командую единственным отрядом.
 - Все настолько плохо?
 - Большая часть из тех, кто вырвался, сейчас не в лучшей форме. Хорошо, если они смогут дать достойный отпор при штурме замков. Люди подавлены после поражения.
 - И как ты собираешься это осуществить?
 - У нас вроде неплохо получается.
 - Один полусотенный отряд, к тому же ведущий себя столь беспечно, – невеликая сила.
 - Вот только не нужно принижать наши достоинства. Полностью перебить полсотни всадников и при этом не потерять ни одного человека – не такие уж мелочи.
 - Согласен. Но ведь это не то же самое, что сдержать наступление целой армии.
 - Ничего, мы постараемся. Да, хотел бы сразу тебе сказать, чтобы не дай господь не забыть. Сделай милость, забудь о том, что тебя спас я... Хорошо-хорошо, понимаю. Ну хотя бы до конца войны. Я намерен пустить памфийцам кровь и не желаю, чтобы они знали, кто именно тут действует. Моя матушка осталась в Хемроде, и никакая сила не способна ее оттуда увести.
 - Хорошо. Но только до конца войны.
 - Сэр, трофеи собраны, можно выдвигаться, – доложил подошедший старший десятник.
 - Я не принимал командования вашим отрядом, – с выражением крайнего удивления обернулся виконт к наемнику.
 - А я и не к вам обращаюсь, сэр.
 - Сэр? – Взметнув брови, Вильям перевел взгляд на Георга.
 - Потом расскажу. Выдвигаемся, Дэн, как и планировали.
 - Слушаюсь!
- Наемники управились очень быстро, прибрав к рукам все, что имело ценность, и, разумеется, лошадей. Поэтому их путь лежал в один лесной массив, на ферму, затерянную в глуши. Дороги к ней фактически не было, имелась лишь едва различимая при очень внимательном осмотре стезька, сильно петляющая между деревьями. Всего пару раз в году этой стезькой пользовался хозяин. Если не знать о ферме, то найти ее, даже случайно, весьма проблематично.
- Само собой, о ее существовании известно владельцу (фермер работал у него еще и в качестве лесника), но поди разыщи того барона. Была информация, что он решил покинуть земли,

некогда дарованные ему королем. В его планы не входило менять сюзерена, а сам замок не отличался особыми оборонительными сооружениями. Да если бы и так, это ничего не меняло – никакой возможности удержать свой замок от армии у барона просто не было. И думать нечего о том, чтобы выстоять без помощи королевской армии. Однако в планы Гийома входило удержание лишь трех замков, образующих некую линию и отсекающую половину графства.

– Хм... Барон Авене... – задумчиво произнес Вильям, выслушав рассказ Георга.

– Ну да.

– Невероятно. Это один из титулов несвижских королей.

– Многие указывали на эту странность. Но все сошлись во мнении, что его величество пребывал не в лучшем состоянии, поэтому указал первый же титул, пришедший на память. Гийому предлагали заменить его, но тот решил оставить все как есть. Признаться, мне порассказали, в каком состоянии находится баронство, и я уже склоняюсь к мысли, что если уж Берард хотел меня отблагодарить, то мог бы подобрать место и получше. Имением управляет королевский управляющий, но хозяйство находится в упадке, крестьян практически нет. К тому же баронство находится непосредственно на границе.

– И в этой ситуации ты отказываешься от вознаграждения за мое спасение? Тебе понадобится очень много денег, чтобы все там привести в надлежащий вид.

– Не сомневаюсь. Но ведь война только началась, так что постараюсь не упустить возможность. Мои люди тоже решили последовать за мной. Разумеется, если я смогу обеспечить достойную оплату.

– Содержание сотни бойцов выльется в круглую сумму.

– И я о том же. Но думаю, что управлюсь. Конечно, мне нужно будет прикрывать границу, но половину людей всегда можно определять в наем. Впрочем, не знаю, как оно будет.

– Вижу, возможность обзавестись домом тебя обрадовала.

– Есть немного. Признаться, это идеальный вариант, о котором я подумывал. Возможность иметь дом и вместе с тем не отставать далеко в сторону оружие как раз по мне.

Георг не стал говорить о том, что эта причина – не единственная. О второй он просто не имел права говорить. А она имела и грела душу особо, хотя он себе в этом не признавался. Узнав о его существовании на смертном одре, Берард сделал самое большее, что мог в данной ситуации, дабы не поколебать устои государства, – он дал ему имя. Одно из своих имен. Он признал его. Да, это было сделано завуалированно, и понять данное обстоятельство могли только три человека, включая его самого, но все было именно так.

– Здесь наши пути расходятся, – остановившись на развилке дорог, сообщил Георг. – Тебе нужно к королю, этого требует твой долг. Мне же нужно оставаться здесь.

– Спасибо за все, дружище.

– Доложишь королю, что мы уже приступили к выполнению его воли, и мы в расчете.

– Даже не надейся.

– Ну, это твое дело. Помни о моей просьбе. Никому.

– Я помню.

Георг вовсе не испытывал неловкости по поводу того, что оставлял виконта одного на дороге в столь беспокойное время. Памфийцы еще не продвинулись настолько далеко, чтобы угрожать данной местности. С иными трудностями он разберется и сам, благо все оружие при нем. Просто каждый должен заниматься своим делом. От Вильяма куда больше пользы там, в армии, нежели среди них.

Сотня двигалась довольно быстро, благо вся добыча была навьючена на лошадей. Когда они действовали на территории Кармеля, то никогда не обременяли себя подобными трофеями, даже когда захватывали обозы с фуражирами. Максимум, что они могли себе позволить, – это собрать все драгоценности. Но там ситуация была несколько иной. Они действовали на

чужой территории, и даже если бы нашли укромный уголок, где была возможность спрятать все свое добро, потом это необходимо было как-то вывезти.

Здесь все по-другому. Георг не сомневался, что памфийцы в очередной раз потерпят поражение и границы как минимум вернутся на довоенные рубежи. Умные и стремительные шаги кронпринца Гийома на берегу Гуры, а также его последующие решения и действия позволяли думать об этом. К тому же на том поле были разбиты далеко не все силы Несвижа. А раз так, то не стоит отказываться от добычи, которую можно укрыть и явить на свет божий, когда территория снова вернется под власть короля.

Георг уже видел, как именно станет обустраивать свой будущий дом, какие шаги будут первоочередными. Нет никаких сомнений, его мечты и реальная жизнь не одно и то же, и шишек он набьет изрядно. Что же с того? Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. Он довольно хорошо изучил военное дело, занятие отнюдь не из простых. Так неужели не справится с хозяйством? Ерунда! Еще как справится, все еще вокруг будут завидовать. Однако им останется лишь облизываться, глядя на его баронство, потому как одно его имя сразу отвадит любого завистника. Это не простое бахвальство, он знает себе цену, как и своим способностям.

Добычу спрятали в тайнике, роль которого выполняла небольшая пещера, на две трети абсолютно сухая. Туда не доберется никакая влага. Лошадей определили под присмотр фермера. Тот был не шибко доволен отведенной ему ролью, даже выплаченное вперед вознаграждение не возымело своего действия. Скорее всего, он и члены его семьи еще долго не узнали бы о начале войны, ведь весенняя ярмарка уже прошла, а до осенней еще около полугода. Уж такой у них образ жизни. А то, что господин барон не появляется, так и ладно, эдак куда спокойнее. Теперь фермер знал о войне, она постучалась в его двери в виде сотни наемников. Опять же – привели полсотни лошадей. А откуда они у них? Ясное дело, хозяева коней взяты на меч. А раз оставляют их и опять засобирались в путь, то не просто прогуляться. Уши у него есть, обрывки разговоров слышит. Если памфийцы узнают о том, что он помогал *этим*, то не сносить ему головы. Пойти и донести на них? А кто сказал, что их всех перебьют? Кто потом защитит его и его семью? Вот и выходит: в какую сторону ни погляди – отовсюду беда. Так что тут никакому щедрому вознаграждению рад не будешь. Да и кто поручится, что потом этот же рыцарь, столь щедро одаривший фермера, не отберет все серебро обратно?

Как ни быстро парни обернулись, но до наступления темноты предпринять больше ничего не успели. Разве что обнаружить лагерь памфийцев в дневном переходе от Хемрода. Как именно там отнеслись к привету от наемников в виде пяти десятков обобранных трупов на тракте, непонятно, но Георг предполагал, что пока никак. Мало ли что могло случиться. Пока это происшествие никого не могло насторожить, как не могло повлиять и на продвижение армии вперед.

Впрочем, в том, что ему удастся серьезно повлиять на скорость передвижения такой машины, были серьезные сомнения. Это не отряд загросцев в три сотни клинков, лишенный конницы. Тут и кавалерии хватало, и лучников с длинными луками, дальность выстрелов которых ничуть не ниже, чем у их арбалетов. Так что при вылазках нужно будет обязательно учитывать это обстоятельство.

Чтобы действовать наверняка, следует дожидаться утра, присмотреть удобное для засады место, обстрелять противника и тут же уходить. В подобных делах у них уже имелся опыт, и немалый. Но вот сама мысль о том, что памфийцы сумеют выпастись в свое удовольствие, вызвала неприятие. Раз уж пожаловали незваными гостями, то пусть не чувствуют себя как дома. Георг намеревался серьезно подойти к выполнению королевского приказа, а также обещания, данного барону Гатине, а потому им об отдыхе думать пока рано.

Дав людям передышку и дождавшись, пока темнота полностью покроет землю, новоявленный барон поднял парней и направился к лагерю. Всадники двигались, словно призраки.

Обмотанные шкурами копыта практически не давали шума. Изредка позвякивающая упряжь или снаряжение, конечно, не способствовали маскировке, тем более ночью, когда звуки разносятся особенно далеко. Но это если находиться в дозоре и внимательно вслушиваться в окружающую темноту, а памфийцы пока чувствовали себя слишком самоуверенно, чтобы держаться все время настороже. К тому же Георг сомневался, что памфийцы станут выставлять дальние дозоры, слишком все хорошо для них складывается. Скорее всего, ограничатся караулами по периметру лагеря.

Так что имелись большие шансы остаться не замеченными до того момента, пока они не приблизятся на дистанцию арбалетного выстрела. На этот раз в запасах снаряжения недостатка не было. Им перепал немалый резерв из хемродского арсенала, об этом позаботился сам барон Гатине. Не всякий болт мог идеально подойти для их арбалетов, но четыре сотни вязанок по сорок болтов подходящего размера были переданы наемникам. Если учесть еще то количество, что имелось у них, то выходит по шесть полных колчанов, не так уж мало. Поэтому они вполне могут себе позволить безвозвратные потери снарядов.

Как и ожидалось, памфийцы вели себя достаточно беспечно. Понять подобное поведение легко. Несвижская армия разбита. Сейчас король спешно собирает новую, так что думать об атаке неприятеля не приходится. Им попросту некому противостоять. Караулы расположились у костров, на расстоянии двух полетов стрелы, образовав кольцо примерно в паре сотен шагов от крайних костров основного лагеря.

Приближаясь к противнику (кстати, совершенно открыто), Георг вдруг подумал о том, что если бы Гийом сейчас ударил по памфийцам, то, скорее всего, без труда рассеял бы их. Этому поспособствовали бы неожиданность, неразбериха и неизбежная паника. Потом слаженными отрядами можно было бы организовать преследование и уничтожение рассеявшихся частей. Тут главное – не дать противнику собраться в одно целое, бить его по частям. В этом случае небольшие мобильные отряды сумели бы уничтожить куда более многочисленные, сбившиеся из разных подразделений и, как следствие, неслаженные отряды памфийцев.

Вот с загросцами такое не пройдет. Их легионы тут же начинают возводить укрепления, даже если остановились всего на ночь. Они, конечно, могут пренебречь высылкой дальних секретов (что, впрочем, сомнительно, потому как этого требуют правила), но караульная служба у них налажена хорошо. А потом, не так уж просто атаковать противника, когда он находится за укреплениями, даже если они полевые и временные.

Однако слишком много рассуждать на эту тему Георг не стал. Мелькнула мысль – и ушла в никуда. Зачем думать о несбыточном? У короля нет подобных сил. В лучшем случае половина остатков армии сохранила бодрость духа, остальные разбиты и раздавлены. А организованных и слаженных подразделений у Гийома и того меньше. Так что решение, принятое им, наиболее верное. Самое большее, что сейчас по силам его солдатам, – это обороняться в укрепленных замках.

Как ни странно, но их никто даже не окликнул, хотя и заметили. Это было видно по очертаниям человеческих фигур, появившихся на фоне горящего костра. Как пить дать, сейчас всматриваются во всадников, которых все же узрели, несмотря на темноту. Вот только их появление ничуть не всполошило караульных. Мало ли кто возвращается из патруля? Ну не верилось им, что сейчас хоть кто-то может представлять для них опасность. А уж чтобы противник приближался вот так вот открыто... Бред. «Ну это вы зря, – усмехнулся про себя Георг. – Нельзя быть такими беспечными и самоуверенными».

– Кто идет?

Надо же! Все же озаботились, решили поинтересоваться. Впрочем, а что им еще остается, если всадники направляются напрямик на них? Вот если бы прошли стороной, между постами, тогда, может, и не обратили на верховых внимания, а так лучше уж подстраховаться. Возможно, Георг и в самом деле проехал бы мимо, вот только ему вовсе не хотелось подстав-

лять под выстрелы своих людей: мало ли, вдруг в карауле окажутся лучники. Он намеревался обстрелять памфийцев, а не изображать из себя мишень для их стрел.

В этом случае вырезанный караульный пост – просто идеальный вариант. С других постов лучники не добьют, в лагере все слишком беспечно, надеются на расставленные вокруг караулы. Дать пару-тройку залпов наемники в любом случае успеют, а потом нужно уходить.

– Я кого спрашиваю?

– Сейчас подъеду, узнаешь, – подпустив в голос самоуверенности, ответил Георг.

Все же то обстоятельство, что он родился в Хемроде и большинство его товарищей по детским играм были по происхождению памфийцами, наложило свой отпечаток. Мало того что языки сами по себе схожие, так он еще и приобрел памфийский выговор. От костра послышалось какое-то невнятное ворчание. Не иначе как десятник, поддерживая свой авторитет среди подчиненных, высказывался по поводу разных рыцарей, слишком много о себе мнящих и не подчиняющихся общим правилам. Вполне обоснованное недовольство. Он, бедолага, пока даже не представляет, насколько прав в своем негодовании.

Подъехав к караульным, Георг остановился прямо напротив десятника. В костер подбросили дров, и света было вполне достаточно, чтобы рассмотреть подъехавших. Только чего смотреть-то? Доспехи во всех королевствах похожи, если только герб иной, но его не видно. Станный, конечно, отряд, все в кольчужной броне, что редкость. Это же во сколько обошлось снаряжение воинов? Но каковы нахалы! Командир остановился и нагло пялится на десятника, остальные словно и не замечают никого, объехали командира и окружили караульных со всех сторон. Это что тут...

Мечи выметнулись из ножен с тихим шелестом практически одновременно и почти с той же синхронностью обрушились на пеших караульных. Те настороженно осматривались по сторонам и силились принять единственно правильное решение – как им поступить в данной ситуации. Разумеется, они успели заметить угрожающие действия наемников, а вот что-либо предпринять...

Десять бездыханных тел повалились наземь практически без шума. Во всяком случае, легкий шорох никак не мог долететь до других постов, а потому причин для поднятия тревоги не было. Конечно, могло показаться подозрительным, что погас костер, чуть ранее ярко разгоревшийся при приближении всадников, которых с трудом, но все же можно было рассмотреть на фоне далекого огня.

А вот теперь вообще ничего не видно: небо затянуто тучами, тьма – хоть глаз коли. Но это пока не повод для паники. Вдруг котел уронили в костер? Однако все сомнения рассеялись, как только с той стороны раздались хлопки. Может, их и не было бы слышно, но когда бьют одновременно столько арбалетов... Рог сам собой скакнул к губам, и ночь огласил сигнал тревоги.

Сотня выстроилась в линию. Цель видна не особо хорошо, но вполне приемлемо. Время еще не позднее, а потому костры горят повсеместно. Вот по этим кострам, а вернее, по силуэтам, кружащимся или сидящим у них, и целятся наемники.

– Вместе, бей!

Отдав команду, Георг и сам нажимает на спуск. Хлопок! Арбалет толкает в плечо. Оперенная смерть ушла к цели. Смотреть на результат некогда.

– По готовности, парни!

Арбалет вниз, зацепить за крюк на стремях. Подхватить висящую справа «козью ногу», вставить в паз, подцепить тетиву. Перенести вес тела на правое стремя и одним плавным движением взвести тетиву до щелчка. «Козья нога» опять болтается справа. Извлечь болт и вогнать его под зажим. Вскинуть арбалет. Определиться с целью. Бесполезно. В лагере поднялась суматоха, поди прицелься, когда видны только размытые очертания, беспрестанно мечущиеся из стороны в сторону. С боков уже слышатся хлопки арбалетов подчиненных. К черту прицел.

Хлопок! Болт уходит в направлении лагеря просто на удачу. Повторить все снова и после третьего выстрела уходить.

За эту ночь они сумели совершить еще один налет. Грех не воспользоваться начавшимся нудным мелким дождем и тем, что видимость, и без того плохая, стала вовсе никудышной. Правда, на этот раз все не так благостно. Слабые костры видны только в центре лагеря. Люди предпочитают мерзнуть, кутаясь в плащи, все же не всем повезло иметь свою собственную палатку. Даже имея возможность разжиться подобным добром в обозе несвижцев, воспользовались ею далеко не все. Здесь свое слово сказала лень, ведь придется это добро нести на себе. Хорошо тем, кому посчастливилось разжиться повозкой, – там можно и добычу разместить, и имущество везти. Но таких счастливых немногo. Это загросцы всюду таскают за собой палатки из расчета одна на четверых. Они вообще в походе очень напоминают груженных мулов.

Посты и вовсе не поддерживают огонь – лучше уж померзнуть, чем подставляться. Весть о произошедшем с одним из караулов разнеслась со стремительностью пожара, взбодрив людей и заставив их быть более бдительными. Было дело, даже обстреляли своих фуражиров, убив одного из них и ранив двоих. А нечего их командиру выказывать свою спесь. В военном походе как-никак. Спрашивают, кто идет, – нужно отвечать как положено, а не костерить на чем свет стоит нахала, решившего преградить путь благородному рыцарю.

На этот раз наемники действовали скрытно, сразу с нескольких направлений, разбившись на десятки. Никакой определенной задачи. Подкрасться к противнику (не имеет значения, к лагерю или к очередному посту), сделать по одному прицельному выстрелу и уходить. Георг хотел участвовать в этом предприятии со всеми на равных, но этому воспротивился Дэн. Его поддержали остальные десятники.

Дескать, командуешь отрядом, вот и командуй. Твое дело – находиться на месте сбора, поджидать остальных и думать, что и как делать дальше. Грело хотя бы то, что вместе с ним остался и сопящий от недовольства старший десятник. А что, дескать, десятники сами не управятся? Вот и находишься вместе с оруженосцем рядом с командиром. Придет и твое время, нечего лезть в десятки, там найдется кому командовать.

Сотня собралась вместе уже далеко за полночь. Люди были грязные, вымокшие, но весьма довольные собой. К радости Георга, потерь не было. Двое получили незначительные ранения от стрел, которые памфийцы пускали наугад, но раны так себе, несерьезные, так что парни остались в строю. Судя по докладам, от второй вылазки противник понес куда более ощутимые потери. В то, что три сотни болтов, выпущенных в первый раз, могли собрать обильную жатву, новоявленный барон Авене не верил. Эта вылазка была рассчитана на другое. Невыспавшийся солдат – усталый солдат, а какой тут сон, когда в любую минуту можно ждать нападения, да еще под нудным дождем и без тепла от костра.

Примерно через час движения в кромешной темноте сотня набрела на опустевшую ферму. Многие жители подались от войны кто куда, а по большей части предпочли отсидеться в укромных уголках, прихватив с собой все, что только возможно. Сейчас оставаться в домах небезопасно. Но так поступили далеко не все – кто-то понадеялся, что их беда обойдет стороной. Да, кому-то повезет больше и их поселения обойдут. Кому-то меньше – у них заберут только продовольствие, которое те не успели припрятать. Кому-то и вовсе не повезет: кроме фуража, у них заберут скотину, попользуют женщин, а хозяевам просто намнут бока, если те окажутся благоразумными и не станут возражать, в противном случае могут и убить. Таков непреложный закон войны, и ничего с этим не поделаешь.

Расположились, можно сказать, с комфортом, во всяком случае, всем нашлась крыша над головой. Безусловно, сотня имела палатки на всех, вот только кто же возьмет обоз в рейд, где жизнь зависит во многом от скорости? Лучше уж претерпеть некоторые неудобства, чем быть скованным неповоротливыми повозками или навьюченными лошадьми.

На ферме пробыли до обеда. Морось, досаждавшая с полуночи, прекратилась. Солнце так и не появилось, но зато стало не так сыро и люди отдохнули. Еще и горячего поели. Грех отказываться от такой возможности, всухомятку много не навоюешь. Мысль о том, что большинство солдат Памфрии сейчас в куда худшем состоянии, грела особо.

Покинув это гостеприимное место, они направились поближе к Хемроду. Места здесь знакомые, а потому Георг уже знал, где нанесет следующий удар. Ночи ждать глупо, потому как даже с учетом подмоченных дорог король Джеф приведет свою армию к стенам столицы графства еще засветло. Все войска в город не войдут, и ночью парни еще смогут пустить памфрийцам кровь, уж в окрестностях города ему известны все складки местности, как линии на своей ладони. Но зачем откладывать, если есть возможность покуражиться и раньше?

В этом месте дорога проходила мимо холма с довольно крутым склоном, протянувшимся на несколько сот шагов. На обратном его скате имелаась седловина, где без труда можно было скрыть от постороннего взора лошадей. Сам холм абсолютно голый, ни одного кустика, место для нападения, можно сказать, неудобное. От вершины до дороги – добрых две сотни шагов. Да, очень неудобное место. Но это смотря для чего. Например, для обстрела из арбалетов – так вполне подходящее. Лежащего в высокой траве стрелка не разглядишь, в то время как он может спокойно наблюдать за дорогой. Арбалет – это ведь не лук, и для стрельбы из него совсем нет необходимости подниматься в полный рост или вставать на колено. Стрелять можно и лежа.

Глядя сквозь стебли травы на дорогу, по которой сейчас двигалась пехота, Георг плотоядно улыбнулся. Все происходило именно так, как он и планировал. Отряды охранения, выпущенные перед армией подобно щупальцам, благополучно обогнули хорошо просматриваемый холм, не обнаружив там ничего подозрительного. За дозорными начала движение остальная армия.

Наемники благополучно пропустили мимо отряды рыцарей и латной пехоты. Расстояние все же велико, слишком большая вероятность, что выпущенный болт сумеет отразить даже кольчуга. Жалко, конечно, эдак можно было поразить и короля, которого было прекрасно видно. Никаких обвинений по поводу убийства монарха можно не опасаться, война же, ни о каком покушении речь не идет.

Наконец пошла легкая пехота и двинулись лучники. А вот у этих с доспехами совсем плохо, в лучшем случае – кожаные панцири. Конечно, кожаный панцирь в сочетании со стеганкой вполне может поспорить с кольчугой, но все же уступит ей, да и не так уж этих панцирей много. Большинство лучников щеголяют в чем попроще. Вот этих можно приложить как следует.

Люди знают, как им действовать. Все это неоднократно отрабатывалось на тренировках и применялось в бою. Первый выстрел за Георгом. Он прикладывает к арбалету, выбирает одного из пехотинцев, делает поправку с учетом того, что стрелять придется сверху вниз, – особенности подобной стрельбы они поняли еще в Кармеле. Хлопок! Вслед раздаются хлопки, которые накладываются друг на друга. Небольшой интервал – и опять разноголосица хлопков, их уже меньше, это быют старшие трое; вдогонку – еще одна волна выстрелов, этих уже совсем мало, этодесятники поставили точку.

Все происходящее длится едва ли десять ударов сердца, но результат не может не радовать. Георг отчетливо видит, как валяются на землю десятки убитых и раненых. Однако слишком долго наблюдать за происходящим нельзя. Лучники уже вскидывают луки, просто пока не могут понять, куда именно посылать стрелы.

Наемники и не собираются предоставлять им такую возможность, спешно отползая назад. Наконец сквозь крики и команды командиров, доносящиеся с противоположного склона, слышится другой звук, несущийся сверху, – некое посвистывающее шурушание. Наемники хорошо знакомы с подобными звуками, их издает множество стрел, пущенных по крутой траектории и падающих сверху вниз. Георг быстро переворачивается на спину, чтобы взгля-

нута в сторону приближающейся опасности. Если использовать достаточно тяжелую стрелу, то она, падая сверху, вполне может пробить кольчугу, так что, если лучники взяли правильный прицел...

Проклятье! Лучники бьют наугад, в этом никаких сомнений, людей на холме просто некому рассмотреть. Но, очевидно, командир у них толковый и со своим оружием обращаться умеет.

– Прикройся!

Шипящий посвист вдруг начал переходить в глухой стук. Стрелы вонзаются вокруг наемников, слышится пара сдавленных стонов. Хорошо хоть не так много лучников участвуют в обстреле, не то бед было бы куда больше. Но думать об этом некогда. Урез холма позади, увидеть оттуда их не смогут, только с боков, но оттуда из лука не добить.

– Встать! Бегом к лошадям!

Времени на перезарядку лучникам требуется куда меньше, чем арбалетчикам. Еще один такой залп – и снова будут жертвы. Он уже видит двоих, один бежит, прихрамывая, с обломком стрелы, торчащим из бедра, второй поддерживает раненую руку. Но вроде пока ничего серьезного, по крайней мере, парни держатся молодцами. Сбегая в ложбину, Георг видит, как с другой стороны, где склон более пологий, на него начинает подниматься отряд всадников. Быстро сориентировались. Вот и лошади.

Сотня выметнулась из ложбины и во весь опор понеслась прочь от этого места. Теперь видны всадники, движущиеся с другой стороны. Не иначе как хотят взять в клещи, вот только, наверное, они никак не ожидали, что на открытой, просматриваемой со всех сторон местности можно спрятать лошадей. А вот можно. Места нужно знать.

Насчет знания местности мысль мелькнула совсем не зря. Опыт действий в Кармеле пригодился и здесь. Только там, прежде чем организовывать засаду, они обязательно проводили разведку местности с целью изучения путей отхода, здесь же в этом не было никакой необходимости, все и так известно.

Георг поглядывал на преследователей. Ясное дело, что тяжелая конница в погоне не участвует, но и этим дать встречный бой не получится. В погоню бросилось не меньше трех сотен всадников. Многовато для открытого боя. Примерно через две мили сотня вышла к оврагу, по дну которого протекал полноводный ручей с высокими обрывистыми берегами. Через него имеется только один удобный переход на несколько миль в оба конца.

Разумеется, Георг рассчитывал при случае использовать это место, чтобы сбросить с себя погоню, но, признаться, сомневался, что эта предосторожность действительно пригодится. Все же гоняться за конным отрядом, у которого имеется солидная фора... Но памфийцы проявляли завидное упорство в стремлении нагнать и покарать наглецов, осмелившихся устраивать им пакости. Превосходно! Это могло говорить лишь о том, что король Джеф пребывает в крайней стадии раздражения. Выходит, они не зря уже вторые стуки кружатся над вторгшейся армией. По самым скромным подсчетам, за столь короткое время им удалось вывести из строя более сотни человек. На фоне того, что в прошедшем сражении памфийцы потеряли едва ли больше четырех сотен, потери довольно значительные, есть с чего начать сердиться. Ничего, если дальше пойдет так же, то Джеф еще поскрежещет зубами, а то и сотрет их в порошок.

Вот только упорство погони очень сильно настораживало. Все указывало на то, что без боя тут не обойтись. А бой – это дело такое... Драться и обстреливать противника с безопасного расстояния – совсем не одно и то же, тут могут случиться потери, причем в первые же сутки.

Дальше бежать не имеет смысла. Лошади, понятное дело, гораздо выносливее людей, но их силы не бесконечны, долго подобную скачку им просто не выдержать. И у памфийцев та же самая проблема, но зачем загонять своих коней, когда можно поступить иначе, да еще и

добавить противнику головной боли? Какая разница, что это вынужденная мера, главное – чтобы у них самих голова не заболела.

Наконец они на противоположном скате. Теперь нужно действовать быстро.

– Сто-ой! Спешиться! Коноводам отвести коней!

– Спешиться! – слышатся команды десятников. – «Козьи ноги» не забудьте, телячья немочь! Живее!

– С первого по четвертый десяток, занять позицию справа! – продолжает раздавать команды Георг. – С пятого по восьмой – слева! Девятый и десятый – по центру и прихватите копыя! – У парней недлинные пики, которые весьма эффективны против конницы, но это все равно лучше, к тому же свою роль должно сыграть и то обстоятельство, что противник будет подниматься вверх по склону и его продвижение вовсе не будет легким.

– Что встали? За мной!

– Торопись!

– Быстро, быстро!

– Вводи арбалеты!

– Куда на колено встал! Как будешь перезаряжаться?! – Десятники правильно понимают ситуацию, сейчас все будет зависеть не только от точности стрельбы, но и от скорострельности.

Вражеские всадники еще не успевают приблизиться к переходу, а сотня уже готова к встрече. Некуда деться памфийцам – либо атаковать в лоб, либо отправляться в обход. Но второе – очень долго, местность им неизвестна, к тому же загонят коней окончательно. Они еще не знают особенностей действий наемников, поэтому, скорее всего, захотят взять нахрапом. Подумаешь, их встретят болты, ничего страшного, риск – это часть жизни. Здесь нет никаких укреплений и преград, кроме довольно пологого подъема, ручей имеет твердое дно и нетопкие берега, это отчетливо видно по следам недавно прошедшей тут сотни всадников. Противник сумеет дать лишь один залп.

– Слушать внимательно! Если не уверены, что поразите всадника, бейте по лошадям!

Георг прекрасно понимал, что если не сбить атакующий порыв, то сотня арбалетов, даже при их манере применения этого оружия, просто не способна остановить атаку конницы. А вот если в довольно узком проходе устроить завал из убитых или бьющихся в агонии лошадей, то противнику волей-неволей придется как минимум замедлиться, а значит, дать возможность для второго выстрела. Если это случится, то все – считай, атака остановлена. Тогда всадники будут представлять собой гораздо лучшую мишень. От их позиции до ручья чуть больше семидесяти шагов, на таком расстоянии не всякий полный доспех сумеет сдержать арбалетный болт, а полностью облаченных в доспехи среди преследующих не было – они слишком тяжелы, чтобы их кони выдержали подобную скачку.

Передовые всадники замедляют свой бег. Наконец противник сбился в одну массу и, вновь пришпорив лошадей, устремляется в атаку. Вот он плотной массой входит в проход. Вот он уже на берегу ручья...

– Бей!

Ноги лошадей вздымают мириады брызг, вода в ручье, еще не успевшая очиститься, становится черной. Мгновение – и ручей преодолен. В этот момент слышатся первые хлопки. Им вторят ржание лошадей, полное боли и страданий, крики людей, лязг железа, шум вспениваемой воды, топот копыт. В поднявшейся какофонии уже невозможно командовать сотней, Георга могут услышать не больше дюжины людей, находящихся поблизости. Из повторных выстрелов он слышит лишь два или три, тех старших, что находятся рядом. Когда бьют десятники, он уже ничего не слышит, просто целится во всадника, вырвавшегося вперед сквозь мгновенно образовавшийся завал из раненых и убитых людей и лошадей. Хлопок звучит как-то неестественно тихо, забитый другими звуками. Всадник скидывает руки и валится на круп лошади.

Два десятка, занявшие позицию в проходе, сделав выстрелы, тут же отбрасывают арбалеты, хватают копыта и вскидывают щиты. Если противник сумеет-таки добраться до верха, то им предстоит замедлить его, чтобы дать возможность товарищам расстреливать атакующих. Нечего и думать, что этому жидкому строю удастся остановить атаку самостоятельно, но в такой комбинации – очень даже возможно.

Всадники с большим трудом преодолели образовавшийся завал и снова бросились в атаку, но к этому моменту первые стрелки уже перезарядились и в них полетели болты. Наемники стреляют только намеренно. Если всадник надежно прикрыт щитом, бьют в лошадь, сваливая животное и бросая седока под копыта других. Завал из тел все ширится. Противник словно напарывается на какую-то незримую черту. Чтобы ее преодолеть, приходится платить кровью за каждый шаг.

Наконец передовые достигают наемников, выстроившихся с копиями наперевес. Двигаться быстро они не имеют никакой возможности, а потому вломиться в жидкий строй у них не получается. А тут еще из-за спин копейщиков слышатся хлопки арбалетов. Это коноводы, понимая, что в данной ситуации каждый боец на вес золота, побросав лошадей, поспешили на помощь. Не сказать, что она оказалась лишней. Всадников, уже готовых навалиться на строй, буквально сносит, следующие еще больше замедляются и просто приближаются к строю, где их встречают ударами копий. Не надеясь гарантированно достать до всадников, наемники безжалостно вгоняют сталь в тела коней, что в наименьшей степени гасит атакующий порыв.

Георг наблюдал за происходящим, уже вскидывая арбалет для следующего выстрела. Проклятые самовольщики! И ведь среди них нет десятников, только рядовые. Выходит, сами приняли решение, причем единодушно, без споров, иначе никак не успели бы. Но молодцы! Вовремя, ничего не скажешь. Но если вдруг окажется, что хоть одна лошадь потеряется, семь шкур спустит. Арбалет наведен, с такого расстояния даже полный доспех самого лучшего качества не спасет. Хлопок! Всадник заваливается влево, поймав боком оперенную смерть. Теперь быстро перезарядиться.

Как ни жидок был строй копейщиков, но все же всадникам не удалось заставить их прогнуться или отступить. В немалой степени это случилось благодаря возникшим за их спинами стрелкам, которые ссаживали нападающих одного за другим. Весомое слово сказали и те, что оказались с боков, – стрельба буквально в упор была просто убийственна по своей эффективности.

Наконец атакующие не выдержали и повернули обратно, преследуемые непрерывающимся обстрелом. Продолжая терять людей, памфийцы откатились назад и закружили вдали. Они все еще были в пределах досягаемости арбалетов, но такая стрельба имела бы хоть какой-то смысл, если бы целились по слабо защищенной пехоте, а скорее даже по лучникам, не имеющим щитов. Однако арбалеты и не думали умолкать. По приказу Георга наемники сейчас добивали раненых, проявлявших признаки жизни. Едва осознав это, те, кто еще что-то соображал, старались замереть, чтобы не получить болт.

Георг окинул взглядом место побоища. В узком проходе смешались кони и люди в одну сплошную пугающую массу. Над оврагом раздавались стоны раненых и ржание лошадей, полное боли и страдания. По прикидкам, потери атакующих – около полутора сотен. Весьма впечатляюще, если еще учесть и тот факт, что сами обороняющиеся не потеряли убитыми ни одного человека. Имелось двое с довольно тяжелыми ранами, еще пятеро отделались легкими ранениями. Соотношение просто дикое, даже для обороняющихся на стенах.

Коноводы все же не бездумно побросали коней, а оставили их с увязанными в один узел поводьями по пять-шесть коней. Это волей-неволей заставило лошадей образовать некое подобие круга, бежать куда-либо они просто не могли, максимум – слегка отдалиться.

– Эх, сколько добра! – глядя на картину побоища и понимая, что ничего им не перепадет, вздохнул известный сотенный заводила Брук. Понять его можно. От одного вида такого

количества побитых лошадей любого обуяет жадность. Но есть еще и те, что не пострадали и сейчас либо стоят, а их поводья зажаты в мертвых руках, либо разбрелись по ручью.

– Радуйся, что сам цел, – усмехнувшись, решил охладить пыл подчиненного десятник.

Затягивать больше никак нельзя. Отбили охоту лезть напролом, и ладно. Ночная вылазка? Пожалуй, что и нет. За сегодня они и без того хорошо потрудились. Интересно, где можно раздобыть вина? Парням просто необходимо отдохнуть. Хотя бы день.

– Три сотни убитыми!

Король Памфии Джеф Первый метался, словно оборотень в клетке. Подумать только! В сражении у Гуры он потерял пять сотен человек, но там сошлись две армии общим числом в семнадцать тысяч. Да, несвижцы понесли куда более ощутимые потери, но это нормально, проигравшая сторона теряет в разы больше, чем победившая. А тут... За прошедшие сутки памфийская армия так и не встретила с несвижской, но потери сопоставимы с понесенными в битве.

Настроение короля не могло исправить даже то обстоятельство, что члены совета Хемрода вынесли ключи от города, едва король появился под его стенами. Событие, безусловно, радостное, но вполне ожидаемое, а вот ситуация вокруг армии радовать никак не могла.

– Барон, ты выяснил, кто это так над нами насмехается?

– Доподлинно пока ничего неизвестно. Сведения, полученные от наших людей, разрозненные и противоречивые. Если судить по рассказам очевидцев, то количество нападавших – от сотни до трех.

– Меня вовсе не интересует, что говорят трусы, от страха наложившие в штаны, – злобно прошипел Джеф Первый, схватив стоящего перед ним барона за рыцарскую цепь и притянув его лицо к своему. Не будь на том доспехов, король непременно ухватил бы за одежду, при этом передавив горло. Об этом явственно свидетельствовали его налившиеся кровью глаза, полные бешенства.

Он вообще был несдержанным, в отличие от своего сына. Но кронпринц предпочитал стоять в стороне и не вмешиваться. В этом походе он только командовал одним из отрядов, принимал участие в совете, учился и набирался опыта. Он мог высказать свое мнение только наедине с отцом или по его приказу, да и то между ними была договоренность, что если его позиция будет резко отличаться от позиции короля, то он попросту воздержится от высказываний.

– Мне пока доподлинно ничего не известно, – сохраняя спокойствие, ответил вопрошаемый барон, – есть только предположения. Слишком мало времени, чтобы собрать достоверные сведения.

– Я слушаю тебя, Клод, – отпустив цепь и сделав по шатру несколько нервных шагов, потребовал король.

Его величество мог разместить свою резиденцию в городе, но предпочел полевой лагерь. Войска должны видеть, что их король вместе с ними. Тем более что завтра армия продолжит движение, здесь им делать нечего, нужно развивать успех. Уже имелись сведения, что несвижцы собираются оборонять три хорошо укрепленных замка. Если не удастся взять их с ходу, осада может затянуться, что никоим образом не отвечало намерениям Джефа Первого.

– Во всех случаях было задействовано большое количество арбалетов, – начал объяснять барон Клод. – Оружие не столь распространенное, как лук. К тому же нападавшие передвигаются верхами. Мне известен лишь один отряд, который соответствует этому описанию. Наемничья сотня некоего Олафа, который прославился во время люцино-мгалинской войны.

– Я помню об этом. Это они атаковали рыцарскую конницу?

– Да, ваше величество. Наемники тогда понесли просто огромные потери, но их новому командиру, некоему Георгу, удалось воссоздать сотню. Они сильно отличились в Кармеле, причем именно тем, что сейчас неизвестные проделывают с нами.

Что и говорить, не только в Несвиже был барон Гатине – люди, подобные ему, есть у любого короля. Степень их мастерства разнится, но они есть всегда.

– Ты хочешь сказать, что какая-то сотня наемников причинила нам столько неприятностей?

– Я предполагаю это. Чтобы утверждать, у меня недостаточно сведений. К тому же это не «какая-то сотня», а достойный противник. Загросцы никогда не казались мне неумехами, как и их шпионы, тем не менее этот сотник кровь им подпортил изрядно.

– Но виконт Бланш утверждает, что их вывели на засаду как минимум из трех сотен бойцов, занявших выгодную позицию. И это вполне соответствует понесенным потерям. Что ты молчишь? Понимаю, не хочешь задевать нежных чувств виконта, но его тут нет.

– Я не хочу сказать, что виконт испугался, он скорее хотел оправдать столь большие потери или что-то его ввело в заблуждение. А может, он прав, а я ошибаюсь. У меня недостаточно сведений, ваше величество.

– А когда у тебя будет достаточно этих самых сведений?!

– Простите, но я затрудняюсь сейчас ответить. Мне нужно время.

– Нужно – так бери. Только не слишком много. Я хочу как можно быстрее узнать об этом человеке все.

– Слушаюсь, ваше величество.

– Счастлив Гийом, коли у него есть такие достойные воины, – наконец подал голос кронпринц, когда полог за вышедшим бароном задернулся.

– Джон, я всегда учил тебя уважать противника, но не слишком усердствуй. Этот Георг – наемник, и то, что он не воюет на нашей стороне, – минус нашему дражайшему барону Клоду.

– Но если он несвижец...

– Он наемник, – с некоторой ленцой перебил сына король. – Для этой братии существует лишь золото, и служат они тому, кто даст достойную цену. Вот то, что у короля Несвижа есть такой цепной пес, как барон Гатине, – действительно его счастье.

– Сомневаюсь, что можно воевать *так* только за золото.

– Ты же слышал, он уже так воевал, в Кармеле.

– А в чьих интересах в действительности было то восстание?

– Хм... Возможно, ты и прав. Проклятье, я уже начинаю его уважать, хотя доподлинно и не знаю, кто он!

– Думаю, очень скоро мы будем это знать. Конечно, барон Клод – не Гатине, но не думаю, что намного хуже. Ведь ему удалось обвести вокруг пальца Несвижского Пса, и король Берард узнал о нашем вторжении ровно тогда, когда это понадобилось нам.

Тут принц был полностью прав. Пожелай Джеф Первый – и они могли вторгнуться в Несвиж абсолютно неожиданно. Но тогда была слишком велика вероятность того, что столицу Хемрода, этот богатый город, придется брать штурмом. Именно поэтому сведения все же поступили к несвижцам, но оставшегося времени было явно недостаточно, чтобы те смогли собрать большие силы. А вот после поражения армии Несвижа вероятность сдачи Хемрода сильно возрастала, что, впрочем, и произошло.

Если бы Берард немного повременил, он бы куда быстрее и с меньшими потерями разделался с памфийцами. Но Джеф правильно его просчитал и пока выигрывал. Плохо другое: король убит, а о кронпринце ничего доподлинно неизвестно, кроме того, что он мужеложец. Никто не знает, что от него можно ожидать. Это темная лошадка, до сегодняшнего дня никоим образом себя не проявившая.

– Что ж, подождем, – наполняя кубок вином, устало произнес король.

Глава 3

Визит в Памфию

– Ну и что ты об этом думаешь? – отправив восвояси закончившего доклад десятника, обратился Георг к помощнику.

– Не нравится мне это, – почесывая нос, ответил Дэн, не скрывая растерянности. – Конечно, сотня солдат в фуражирском отряде – это серьезно, но памфийцы уже давно не ведут себя так вольно.

Что и говорить, он прав. За прошедшие три недели наемники заставили зауважать себя, и теперь фуражиры выходили отрядами не менее двух сотен. Причем половину отряда составляли лучники с длинными луками, по дальности мало чем уступавшими арбалетам. Открыто нападать на такой отряд себе дороже, поэтому Георг предпочитал обходиться обстрелом из засады, с немедленным отходом.

Уничтожить обоз подобным образом невозможно – только лишь нанести кое-какие потери, но атаковать... Он не сомневался, что им по силам перебить всех, однако за это пришлось бы заплатить большими потерями, которые никак не входили в его планы.

И вот когда такие усиленные отряды стали вполне привычным явлением, памфийцы отправляют сотню солдат без прикрытия лучников. Что это? Излишняя самоуверенность? Вряд ли. Король Джеф Первый сейчас, должно быть, в бешенстве. Взять с ходу замки, где укрепились остатки несвижской армии, не получилось. Мало того, при штурме войска заметно поредело и пришлось перейти к планомерной осаде. К тому же армия несла постоянные потери от кружащейся вокруг нее сотни наемников.

Немалый урон был причинен и подходящим подкреплениям, пока еще не знакомым с новой тактикой наемников. На сегодняшний день основная часть погибших приходилась именно на новые части, в особенности на солдат ополчения, у которых с выучкой и вовсе было плохо. Ополченцы слишком суетились и метались. Может, на тренировках они и могли что-то показать, но вот когда рядом хрипит умирающий, когда тебя забрызгивает чужой кровью, когда визжит, как свинья на забое, твой товарищ, с которым ты только что вел беседу, – сохранять спокойствие и выполнять то, что в тебя вдалбливали на тренировках, не так-то просто. Как-то раз выметнувшаяся после залпа из засады сотня порубала практически весь двухсотенный отряд ополченцев.

И вот в этой ситуации король Джеф преподносит такой подарок. Ох, что-то тут не так. Но что именно? Засада? Может, разведчики не сумели рассмотреть дополнительные силы? А почему бы и нет. Кто сказал, что только его люди умеют хорошо прятаться?

– Знаешь, Дэн, по-моему, за нас решили взяться всерьез.

– Думаешь, засада?

– Уверен. Короля Джефа окружают отнюдь не дураки, а тут такая глупость.

– И что будем делать?

– Мы уже почти месяц кружим над памфийцами, а добычи, кроме как после первого дня, никакой. Полагаю, это неправильно.

Вообще-то это неправда, трофеи у них имелись, однако назвать их достойными несколько сложно. Парни полностью уничтожили два отряда, сотню фуражиров и две сотни ополченцев. Но что можно взять с простых солдат и тем более ополченцев, вчерашних крестьян и ремесленников? Так, одни слезы. Даже их оружие было настолько дешевым, что поневоле задумаешься, стоит ли овчинка выделки.

Георг совсем не просто так завел речь о добыче. Одно дело – выполнять приказ короля за оговоренную плату, будучи простым наемником, и совсем другое – когда ты теперь стал баро-

ном и владельцем. Необходимо подумать о будущем, о том, что после войны придется восстанавливать пришедшие в упадок земли. Чтобы это сделать, понадобятся большие средства. Ну и откуда они возьмутся, если он только и будет кружиться над вторгшейся армией, нанося ей потери, да еще не имея возможности воспользоваться трофеями с поля боя?

– Чтобы взять добычу, нужно как минимум перебить серьезный отряд, а мы такие лишь обстреливаем, после чего убегаем, – с долей осуждения произнес Дэн.

– Значит, возьмем какой-нибудь замок.

– Шутишь? Замки сейчас либо пустые стоят, либо разрушены, либо с таким гарнизоном, что лучше и не соваться. К тому же ни о какой казне говорить не приходится, прежние хозяева все вывезли.

– Это если не высовывать свой нос за пределы Несвижа. Но ведь сейчас война или я что-то неверно понимаю?

– Думаешь навестить Памфию?

– Ну, в Кармеле нам это неплохо удавалось. А потом, не думаю, что это поднимет настроение его величеству, а тем более приграничным баронам, которые отчего-то решили, что их дома находятся глубоко в тылу. Гийому это тоже пойдет на пользу. Ведь на нас начнут охоту и в Памфии, а значит, куда меньше войск проследует сюда. Так что выгода со всех сторон.

– Хм... Ребятам это понравится в особенности.

– Дурные настроения?

– Ничего такого, о чем ты не знаешь.

– Значит, все в порядке?

– Да нормально все, Георг. Просто кто же откажется от дополнительной прибыли?

– Это точно.

– Так что будем делать с теми фуражирами? – все же решил уточнить старший десятник насущный вопрос.

– Ничего не будем делать. Поднимай людей. Уходим. Да, нужно присмотреть за тылами. Мало ли, вдруг наших разведчиков обнаружили и решили пройти по следам.

– Ясно.

Понимая, что привлек к себе слишком пристальное внимание, Георг был крайне осторожен и старался не выводить своих людей на открытое место. А чтобы использовать эффект внезапности, он вообще старался избегать любых контактов. Появление его сотни на территории Памфии должно было оказаться громом среди ясного неба.

– Хм...

– Что кряхтишь, как старый дед?

– Крепкий орешек, – покачав головой, изрек Дэн. – Нам такие пока еще брать не приходилось.

– Это точно. Но, думаю, справимся.

– Сомневаюсь. В такой твердыне гарнизон наверняка очень серьезный, никак не меньше сотни, а то и полутора. Серьезный владелец.

– А главное, богатый.

– Как бы это богатство нам поперек горла не встало. Может, поищем кого помельче?

– Вряд ли там сейчас много солдат. Сам посуди, может ли местный барон отсиживаться в укромном уголке, когда идет такая война? Уверен, там сейчас нет и половины дружины.

– На этих стенах и двумя десятками можно отбивать атаки сотен. Ну ладно, поменьше. Но на нас их хватит с лихвой.

Что и говорить, замок, к которому они вышли на четвертый день пути, производил впечатление. Он имел форму неправильного многоугольника с высокими башнями по углам. Сами стены тоже не перешагнешь – высота никак не меньше двадцати пяти футов. Перед ними ров,

ни ширина, ни глубина которого не известны. Судя по всему, он не заполнен водой, но к добру это или к худу, пока не ясно, все зависит от того, что придумал новоявленный барон.

Дэн был просто убежден, что в своем желании как можно серьезнее пополнить мощну, сотник решил откусить слишком большой кусок пирога. Замок имел весьма внушительные размеры. Такие зачастую служили опорными пунктами целых областей, и нередко вокруг них возникали целые города. В твердых, подобных этой, сейчас находились осажденные остатки несвижской армии.

– Сэр, нам удалось захватить троих крестьян, – подошел с докладом десятник Виктор.

Несмотря на свою слабость к женскому полу, парень оказался достоин звания десятника. Мало того, он сумел сделать свой десяток одним из лучших. А во всем, что касалось разведки, его парням не было равных. Впрочем, в немалой степени этому способствовало то обстоятельство, что к нему определили двоих бывших охотников, а скорее браконьеров, уж больно ловки. Подготовка у этих парней была весьма специфичной. Кроме того, в десяток Виктора вошли самые перспективные бойцы, и их Георг натаскивал лично. С легкой руки Сэма этот десяток называли «спецназом» – десятком специального назначения.

Вот уже несколько лет этот странный, не отличающийся смелостью (а точнее, откровенный трус) мужчина находится при сотне. Просто удивительно, сколько всего он знал. Он сумел наладить изготовление арбалетов буквально на коленке, имея в своем распоряжении лишь малую походную кузню и всего пятерых обозников, никогда не отличавшихся мастеровитостью. Он вел все хозяйственные дела сотни, даже порой приторговывал. Для этой цели Георгу пришлось озаботиться еще одной повозкой, и теперь его обоз включал в себя четыре больших фургона. От него же исходило и множество подсказок, которые сотня сейчас с успехом применяла в бою. Новоявленный барон уже давно порывался прижать одноногого калеку и встряхнуть из него всю его историю, но все время было как-то не до того.

– Допрашивали?

– Только выяснили, что они из замковых. Отец с сыновьями, бортники, обихаживали дупла, теперь возвращались, – доложил Виктор.

Все верно. Замысел барона Авене парням неизвестен, так что могут и подпортить дело. Выяснили, что пленники вполне хорошо знакомы с замком, и ладно, остальное в руках сотника.

– Ясно. Бортники – это хорошо, этих хватиться не должны. Давай сюда старшего.

Папаша оказался мужичком лет пятидесяти. Правильный такой, сразу видно – глава семейства. Это на руку, с таким договориться будет куда проще. Конечно, может статься, папаша нипочем не захочет предать своего владельца, такие верные работники попадались не так уж редко. Правда, те в основном относились к челяди – ну там дворецкие, повара, конюхи, иные замковые слуги. Этот же больше по лесам шляется, потому как пользу своему сюзерену может приносить лишь вне стен. Люди вроде него, как и те, что были задействованы в полях или занимались ремеслами, уже не так сильно проявляли свою преданность.

– Как зовут? – доброжелательно глядя на пленника, поинтересовался Георг.

– Дык Паттол, ваша милость.

– Бортник?

– Так.

– А проживаешь в замке?

– В замке, ваша милость.

– Слушай меня внимательно, Паттол. Я намерен захватить замок, уж больно мне не дает покоя богатство твоего господина. Что так смотришь, словно тебе нет до этого дела? Есть, и мы оба это знаем. Как знаем и то, что я все равно выясню нужное...

Только очень неумный человек считает, будто простолюдины представляют собой сплошь тупую скотину. На деле это ой как неверно. Да, они порой не могут связать и двух слов, не умеют читать, не обладают манерами, но они не тупы. Во всех жизненных вопросах,

и уж тем более касающихся непосредственно их, они разбираются очень даже хорошо, а их хитрости и изворотливости можно позавидовать.

Большинство баронов, даже самых кичливых, и представить себе не могут, что ими манипулирует их скот – крестьяне и ремесленники, в особенности первые. Ему лишь кажется, что это он решил поставить на место соседа и оттяпал у него приглянувшийся луг. Как бы не так. Ему задуматься, откуда вообще у него в голове взялась мысль об этом луге и с чего он вообще решил, что там выпас или сенокос лучше. Владелец и не подозревал, что это результат деятельности его крестьян. Они намеренно сетовали на это в его присутствии, вроде и не обращаясь к нему, но чтобы это достигло его слуха.

Георг ничуть не сомневался в благоразумии пленника, и, как оказалось, не зря. Бортник справедливо рассудил, что эти все одно нападут на замок и захватят его, а вот удержать не смогут. Значит, им нужна только казна господина, ну, может, захватят кого, чтобы заполучить выкуп. Но грабить чернь и устраивать бесчинства никто не станет. С добычей им не уйти, слишком уж она сковывает, по той же причине никто не станет угонять людей в полон. Надолго задерживаться в замке никак нельзя, ведь могут подойти войска, которые сейчас с завидным упорством движутся в сторону Несвижа.

Все складывалось таким образом, что Паттолу следовало думать о своей шкуре, так как для остальных угроза была минимальной. Безусловно, он думал лишь о своих близких и соседях. Бароны пускай сами разбираются в своих делах. Их дружинники за это серебро получают и пуза вволю набивают, чтобы в случае чего заплатить своей кровью. С ним же все было просто. Если он прибудет на сутки позже, это не вызовет никаких подозрений. Но если вернется со следами пыток, то господину не понравится, что нападавшие получили сведения от него. Плевать, по доброй воле или под пытками, он предал своего господина, а потому его, скорее всего, казнят в назидание другим. Так что старик говорил вполне охотно и настолько подробно, насколько мог.

Предположения Георга оказались верными. Этот большой замок имел все шансы в скором времени превратиться в город: он, по сути, уже был небольшим городком. За стенами располагалось около трех десятков домов ремесленников и до двух сотен человек. Там обитали кузнецы, скорняки, ткачи, замковая челядь, другие мастеровые. Имелся даже трактир. Бортничество – довольно редкий, специфический и прибыльный промысел, поэтому семью Паттола держали поближе к господину.

Имелся и свой посад, где тоже обретались ценные для барона люди: просто места за стенами уже не было, но зато он мог быстро упрятать их за укреплениями. В округе было разбросано несколько деревенок с крестьянами и ферм арендаторов. Пройдет пара десятков лет, и замковая стена разрастется, увеличивая площадь, охваченную стенами, и, соответственно, население за ними.

Замок не только выглядел твердыней, но таковой и являлся. Помимо стен, его опоясывал ров шириной более двадцати футов и до краев заполненный водой. В настоящий момент там находилось три десятка воинов и госпожа баронесса с детьми. Сам барон с дружиной был в походе. Примерно неделю назад к ним в гости пожаловала какая-то молодая баронесса с десятком воинов. Вот, пожалуй, и все воинство. Служивые располагались либо на постах, либо в центральном замке, где находились и казармы, и конюшни, и жилой дом барона. Как и следовало ожидать, все наиболее ценное укрывалось в донжоне, самой высокой и наиболее укрепленной центральной башне.

К сожалению, несмотря на относительную отдаленность от границы, барон серьезно подходил к вопросу безопасности, а потому все укрепления содержались в исправности. Никакой иной возможности попасть в замок нет, кроме как через ворота или штурмуя стены. Правда, охрана довольно немудреная. На стенах круглосуточно находятся четверо караульных, по количеству сторон света. На каждого из стражей приходится по два участка стены для обхода, в

общей сложности около ста семидесяти шагов, если считать вместе с башней, разделявшей эти участки. На верхней площадке донжона еще один караульный. У главных ворот – караулка, в которой находится еще шесть человек, десятник и смена.

Самое неприятное обстоятельство бортник приберег напоследок. В замке проживал мастер со своим учеником. Радовало одно: несмотря на то что лаборатория располагалась в донжоне, эти двое проживали в жилом доме барона. Это в значительной мере уменьшало добычу, так как о захвате пленников и, соответственно, выкупе за них можно позабыть. Штурмовать здание, где находится мастер, очень опасно. Можно не потерять ни одного человека при захвате замка и положить многих, если сунуться в этот дом. Так что самое лучшее – это изолировать его. Не дай господь, колдун решит в эту ночь поработать в лаборатории. От захвата донжона парни не откажутся, но тогда все может оказаться куда сложнее.

Конечно, крепкий орешек, но тем не менее ничего сверхсложного в предстоящем захвате Георг не видел. Если удастся проделать все скрытно, а главное, быстро, ни один умник и ухом не успеет повести. А когда они нейтрализуют гарнизон, никто из черни даже не подумает оказать сопротивление, что было бы неизбежно при взятии замка штурмом. На этот случай в арсенале имелось достаточное количество оружия, да и какие-никакие тренировки с людьми наверняка проводились. Мастер тоже не будет представлять опасности, если не жадничать. А Георг жадничать не собирался. Пусть их. Все золото мира никогда не заработать.

Бортников связали и оставили в лесу под присмотром двоих наемников. Зачем лишний раз забирать жизнь, если можно обойтись без этого? Кроме того, для старика это лишний повод хорошенько подумать. Если он хоть в чем-то обманул, его ждет неминуемая расправа. А если нет, то и убивать нет никакого смысла, отпустят с миром. Судя по спокойствию, с которым глава семейства воспринял тот факт, что его и сыновей привязали к дереву, он ничего не опасался. Значит, наверняка сказал правду.

Виктор замер возле уреза рва, изображая из себя несуразный холмик неправильной формы. Все же эти накладки куда лучше маскируют, чем даже те странные чехлы с нашитыми лоскутками. Рассмотреть его сейчас было мудрено даже с близкого расстояния, несмотря на свет, испускаемый луной. Говорить о стене, по которой проходил караульный, и вовсе не приходилось. Вот в просветах между зубцами опять замаячила фигура солдата, на доспехах которого играли лунные блики. Двигался он совершенно спокойно, время от времени останавливался, всматриваясь в пространство, залитое серебряным светом, а затем продолжал движение.

Наемник медленно, чтобы не выдать себя резким движением, перевел взгляд на небо. Вот уже час он прикидывается бесформенной кучкой, как и остальные парни, распределившиеся вокруг него. Похоже, тучка наползет на луну раньше, чем памфиец дойдет до башни. Скорее бы. Мочи уже нет вот так неподвижно лежать. То, что ночь лунная, – это хорошо, а в особенности радует наличие на небосводе облаков. Иной возможности добраться до караульного на донжоне, кроме как подстрелить его из арбалета, попросту нет. А поди сделай это, когда вокруг крошечная мгла.

Наконец караульный достиг башни и скрылся в ее чреве. Сейчас он пройдет сквозь нее и окажется на другом участке стены. Дойдет до следующей башни и двинется в обратный путь. Действовать нужно быстро, а главное, тихо. Виктор встает на ноги и раскручивает над головой веревку с «кошкой» на конце, благо его сейчас никто не заметит, даже при свете луны. Караульный уже прошел на другую сторону, а от того, который находится на донжоне, его скрывает стена.

Тройной крюк взмывает ввысь и, описав дугу, с глухим, едва различимым стуком падает за зубцами. Услышать этот звук можно, только если тщательно вслушиваться и ждать чего-то подобного. Нет никаких сомнений – никто из караульных ничего не заметил, ведь металл хорошо упакован в мягкие кроличьи шкурки. Потянуть конец на себя, выбрать слабинку, помолиться, чтобы хотя бы один крюк зацепился за стену. Есть! Теперь тихонько спуститься в воду

и ни в коем случае не потерять бурдюк, надутый воздухом, иначе камнем на дно. Плавать в доспехах никак не получится. Максимум, что удастся, – какое-то время побарахтаться, и то без гарантии.

Лучше бы, ясное дело, без доспехов, но кто знает, как все обернется. К тому же передвигаться практически бесшумно и с подлинной легкостью для них уже давно не проблема. Да и чехол достаточно хорошо маскирует легкое позвякивание кольчужных колец, а то еще и препятствует звону. Хорошо подогнанную кольчугу при определенных навыках использования можно носить достаточно тихо и без посторонней помощи. Немаловажно и то, что для осуществления задуманного доспех просто необходим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.